

Мученик катакомб

Повесть
древнего
Рима

Мученик катакомб

Повесть древнего Рима

*«По рассуждению человеческому, когда я боролся со
зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые
не воскресают? Станем есть и пить,
ибо завтра умрем!»
(1 Кор. 15:32)*

Международное Господнее служение
ул. Лермонтова, 7-А
Новоселки
г. Киев, Украина 03027

The Martyr of the Catacombs, © «Christian Light Publications, Inc.»,
1993 г., Гаррисонберг, Вирджиния, США. Все права сохранены.

Переводчики: Евгений Иванов, Майкл Янци.

© «Christian Light Publications, Inc.», русское издание, 2006 г.
Все права сохранены.

Отпечатано в типографии
Grace Press, Inc.
2175 Division Highway
Ephrata PA 17522 USA

Предисловие

(Таким было предисловие к данной книге,
изданной на английском языке много лет назад)

Рассказ неизвестного автора, озаглавленный «*Мученик катакомб: повесть древнего Рима*», впервые издан много лет назад. Экземпляр этой книги был спасен с американского морского судна, которым командовал капитан Ричард Робертс и которое потерпело бедствие во время ужасного урагана в январе 1876 года. Сейчас книга принадлежит сыну капитана.

Этот рассказ, под прежним названием, после тщательной редакции снова выходит в свет с надеждой, что он будет использован Господом, чтобы ясно показать верным и внимательным, а также беспечным и неосмотрительным верующим и их детям в наши последние и лукавые дни картину пережитого ранними святыми ради нашего Господа Иисуса Христа во время жестоких гонений со стороны языческого Рима. Гонения эти, мы верим, обязательно повторятся с яростной сатанинской силой под правлением новой Римской империи в будущем.

Пусть же книга напомнит всем нам, что, если Господь задержится в небесах еще на некоторое время, мы также можем быть призваны пострадать за Него.

Библия запрещена в большинстве учебных заведений нашей страны; семейная молитва для многих является забытым обычаем; нашего Господа Иисуса Христа, Единородного и возлюбленного Божьего Сына позорят и отвергают в собрании тех, кто называет себя Его друзьями; свидетельство на земле о Христе объединенных верующих подошло к концу; призыв к Лаодикийской церкви покаяться оставлен без внимания; обещанием нашего Господа о личном общении с Ним теперь пользуются лишь отдельные люди.

Обещание Смирнской церкви: «*Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни*» достигает и нас в эти последние дни.

Кровь мучеников в России и Германии вопиет из земли, являясь предупреждением для христиан всего мира.

Будем же и впредь возносить свою мольбу: «*Ей, гряди, Господи Иисусе!*»

— Ричард Л. Робертс
Хартсдэйл, Нью-Йорк

КОЛИЗЕЙ

Убитые в честь римского праздника

В Риме наступил день великого праздника. Отовсюду в одном направлении устремились огромные толпы людей. Через Капитолийский холм, Форум, мимо Храма мира, арки Тита и императорского дворца все шли к Колизею, попадая вовнутрь через сотни дверей.

Там перед ними представала удивительная картина: внизу простиралась огромная арена, вокруг — бесчисленные ряды сидений, поднимавшиеся вверх до внешней стены на высоту около тридцати пяти метров. Повсюду было великое множество людей всех сословий и возрастов. Открывавшаяся взору картина — огромное множество строгих человеческих лиц, расположенных длинными рядами, одно над другим, доверху над ареной, должно было повергнуть зрителя в невыразимый восторг. С тех пор эта сцена не имела себе равных.¹ Здесь собралось более ста тысяч людей, переполненных и возбуждаемых одним общим чувством и страстью. Жажда крови — вот что привело их сюда. Нет печальней страницы в истории восхваляемой цивилизации древнего Рима, чем это самое популярное зрелище.

Здесь были закаленные в походах, совершившие храбрые подвиги воины, но они не возмущались при виде истязания слабых. Тут присутствовали также

¹ Книга была написана более века тому назад.

отпрыски древних знатных родов, не считавшие, однако, что эти жестокие зрелища бесчестят их родину. Философы, поэты, священники, правители, богатые и бедные — все ринулись к местам; и аплодисменты патриция были такими же громкими и страстными, как и плебея. Какая же оставалась надежда, что Рим устоит, если сердца людей были во власти жестокости и кровавой тирании?

На возвышении, на самом видном месте амфитеатра сидел император Деций, а возле него — знатнейшие из римлян. В их числе было несколько офицеров преторианской гвардии, которые с видом знатоков обсуждали происходящее на арене. Их громкий смех, веселье и роскошные наряды привлекали всеобщее внимание.

Небольшое представление перед началом сражений подошло к концу, и теперь наступило время боев. Сначала публике показали несколько рукопашных схваток, закончившихся фатально для большинства участников. Это в определенной степени заинтересовало зрителей, в зависимости от храбрости и умения сражающихся. Они должны были разжечь у зрителей настоящий азарт, вызвав страстную жажду более впечатляющих зрелищ, которые ожидали их впереди.

Один из воинов вызвал большое восхищение и овации собравшихся. Это был африканец из Мавритании, мужчина гигантской силы и телосложения. Его умение сражаться подкреплялось недюжинной силой. Он орудовал коротким мечом с невероятной ловкостью, сражая наповал всех противников на своем пути.

Теперь ему предстояло сразиться с гладиатором из Батавии, не уступавшем ему ни ростом, ни силой. Контраст между ними двумя был просто ошеломляющим. Африканец был смуглым, с блестящими волнистыми волосами и сверкающими глазами; батавец же — светловолос, с острыми серыми глазами. Трудно было сказать, кто из них имел преимущество, но

поскольку мавр уже провел некоторое время на арене, все полагали, что он имеет меньше шансов на победу. Схватка началась стремительно. Батавец наносил мощные удары, которые ловко парировал его противник. Африканец был быстр и яростен, но он никак не мог прорвать надежную защиту своего бдительного противника.

Наконец, по сигналу, схватку остановили, и гладиаторов увели прочь, не из милосердия или восхищения их умением, но зная, как надо ублажать римскую публику. Все понимали, что они снова вернутся.

Затем арену заполнило множество мужчин. Все они были вооружены короткими мечами. Через мгновение начался бой. Это не было сражением двух сторон; это была всеобщая схватка, где каждый атаковал своего соседа. Подобные сцены были самыми кровавыми, и поэтому самыми интересными. В таких схватках за очень короткое время погибало большое количество людей. На арене происходила ужасная резня. Пятьсот вооруженных мужчин в расцвете сил беспорядочно сражались. Иногда их словно втягивало в один огромный водоворот, потом они очумело бросались в разные стороны, оставляя на месте сражения груды трупов, затем снова вступали в схватку друг с другом с неумейной яростью; отдельные стычки происходили повсюду, победители опять бросались в гущу сражения, а затем все выжившие снова сплетались в одну борющуюся толпу.

Наконец, накал борьбы начал ослабевать. Из пятисот остались в живых около ста уставших и раненных мужчин. Внезапно прозвучал сигнал, и на арену выпрыгнули, устремившись к борющейся толпе, африканец и батавец. Бодрые после отдыха, они набросились на истощенных бедолаг, у которых не было ни моральных сил, чтобы объединиться, ни физических, чтобы противостоять. Началась дикая резня. Два

великана безжалостно рубили направо и налево, пока не остались единственными уцелевшими на арене людьми. После этого раздались оглушительные овации, казалось, бесчисленных зрителей.

Затем эти двое снова набросились друг на друга, притягивая к себе всеобщее внимание, в то время как тела раненных и убитых забирали с арены. Бой был столь же свирепым, как и в самом начале, повторяясь в деталях. Африканец был подвижным, батавец — осторожным. Но вдруг первый сделал отчаянный выпад; батавец парировал его удар и молниеносно нанес ответный. Африканец отпрыгнул назад и уронил свой меч. Но было уже слишком поздно, так как противник проколол ему левую руку. Когда он упал, радостный рев ста тысяч зрителей всколыхнул арену. Но это еще не был конец, ибо когда победитель уже стоял над своей жертвой, охранники быстро подбежали к нему и увели его в сторону. Однако римляне знали, как знал и раненый гладиатор, что это не было проявлением милости. Его просто приберегали на будущее, однако участь его была предрешена.

— Этот батавец — искусный боец, Марцелл, — сказал своему товарищу молодой офицер из группы воинов, о которой мы уже упоминали.

— Ты прав, Луцулл, — ответил тот. — Лучшего гладиатора я не видел. Они оба действительно дрались превосходно.

— И все же, есть человек, который превосходит их обоих.

— Да? Кто он?

— Гладиатор Мацер. Я не встречал еще равного ему.

— Я слышал о нем. А он выйдет сегодня?

— Насколько мне известно, да.

Тут их беседу прервал громкий рев, вырвавшийся из зверинца. Это был свирепый и ужасающий рев крайне голодного и озлобленного зверя.

Железная решетка была приподнята стоящими

сверху служащими, и зверь выступил на арену. Это был африканский тигр, привезенный лишь несколько дней тому назад. Его держали три дня без еды, и его яростный гнев, чрезмерно усиленный голодом и неволей, привел в ужас собравшихся. Ударяя хвостом по земле, он шел по арене, внимательно рассматривая зрителей налитыми кровью глазами. Но тут их внимание привлек вытолкнутый на арену человек. Как и все гладиаторы, он не имел никакой защиты, а был голым, в одной лишь набедренной повязке. Держа в руке короткий меч, которым обычно пользовались гладиаторы, он твердым шагом направился к центру арены.

Взгляды всех собравшихся устремились на этого человека.

— Мацер! Мацер! — выкрикивали зрители.

Заметив его в тот же миг, тигр свирепо зарычал. Мацер стоял на месте, спокойно глядя на зверя, который, еще яростнее нахлестывая себя хвостом, мчался к нему. И вдруг, тигр присел, а затем мощным прыжком бросился на него. Но Мацер был готов к этому. Как молния, он метнулся влево и, когда тигр коснулся земли — ударил его прямо в сердце. Огромный зверь, содрогнувшись всем телом и поджав конечности, издал вопль, подобно раненному человеку, и упал замертво на песок.

Аплодисменты, словно раскаты грома, прозвучали по всему Колизею.

— Поразительно — воскликнул Марцелл. — Никогда не видел более искусного человека, чем Мацер!

— Не сомневаюсь, что он сражался всю свою жизнь, — отозвался его товарищ.

Вскоре труп тигра унесли, и снова скрип поднимающихся решеток привлек внимание толпы. На этот раз на арену был выпущен лев. Он медленно шел вперед, удивленно рассматривая все вокруг. Это был огромный зверь, которого придерживали для самого сильного противника. Казалось, что он смог бы успешно

сразиться с двумя тиграми, подобными тому, которого убил Мацер. Рядом с ним Мацер казался ребенком.

Лев уже давно ничего не ел, однако не был разозлен, как тигр. Он пересек арену, а затем быстро обошел ее по кругу, пытаясь найти выход. Увидев, что все выходы заперты, он, наконец, возвратился в центр и, опустив голову к земле, зарывал так сильно, так громко и так долго, что даже массивные камни Колизея задрожали от этого звука.

Мацер стоял неподвижно. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он все так же твердо смотрел вперед, зажав в полной готовности в руке меч. Наконец, лев повернулся в его сторону. Дикое животное и человек стояли лицом к лицу, пристально глядя друг другу в глаза. Но спокойный взгляд человека, похоже, злил льва. Он, оцетинив шерсть и подняв хвост, отступил назад, и, тряхнув гривой, присел, готовясь к страшному прыжку.

Огромная толпа зрителей замерла в полном оцепенении.

Темная фигура льва метнулся вперед, но гладиатор привычным маневром отпрыгнул в сторону и нанес удар. На этот раз, однако, меч, попав в ребро, выпал из руки. И хотя зверь был только легко ранен, этот удар привел его в бешенство.

Мацер, однако, ни чуть не потерял хладнокровия в этот ужасный момент. Он предстал перед готовым к очередной атаке зверем полностью безоружным. Снова и снова лев прыгал в его сторону, но каждый раз проворный гладиатор ускользал от него, пока, наконец, не умудрился добраться до своего меча и завладеть им. Лев снова взвился в воздух, но на этот раз Мацер достиг своей цели. Меч пронзил львиное сердце. Огромный зверь упал, скорчившись от боли. И тут, снова поднявшись на лапы, он помчался по арене и, издав последний рык, упал мертвым возле решетки, из-за которой вышел.

Мацера увели, и на арену снова вышел батавец. Римляне требовали зрелищ. На батавца был выпущен маленький тигр, который тут же был убит. Затем вышел лев. Он был обычных размеров, но страшно разъярен. Было очевидно, что батавец не шел ни в какое сравнение с Мацером. Лев прыгнул и был ранен, но при второй атаке он не просто зацепил своего противника, а в буквальном смысле разорвал его на куски. Затем на арену снова вышел Мацер и с легкостью убил этого льва.

Пока Мацеру аплодировали, с противоположной стороны арены появился человек. Это был африканец. Его руку не перевязали. Она была опущена, и по ноге стекали струйки крови. Шатаясь, он медленно брел по направлению к Мацеру. Римляне знали, что его вытолкнули принять смерть. Бедняга тоже знал это, ибо, приблизившись к противнику, он бросил свой меч и в отчаянии произнес:

— Быстрее убей меня! Избавь от этих страданий.

К всеобщему удивлению, Мацер, отступив назад шаг, швырнул свой меч на землю. Зрители смотрели на него в изумлении. Еще больше удивились они, когда Мацер, обернувшись к императору и разведя руки, воскликнул:

— Августейший император! Я христианин. Я буду бороться с дикими животными, но не подниму руки на человека. Я готов умереть, но не буду убивать.

По всей арене прошел глухой ропот.

— О чем он говорит? — воскликнул Марцелл. — Христианин! Когда это могло произойти?

— Я слышал, — сказал Луцулл, — что к нему в камеру приходило несколько этих негодяев — христиан, после чего он вступил в их презренную секту. Все они являются отбросами общества. Вполне вероятно, что он мог стать христианином.

— Неужели он готов навлечь на себя смерть, чтобы только не убивать?

— Все эти фанатики так поступают.

Слова Мацера разъярили толпу. Их возмутило, что простой гладиатор осмелился лишить их удовольствия. Охрана быстро направилась к нему. Должна была начаться схватка. Если Мацер не хочет сражаться, тогда он сам должен умереть.

Но он был тверд. Безоружный, он подошел к африканцу, которого мог убить всего лишь одним ударом кулака. Лицо африканца исказила дьявольская гримаса. Удивление, радость и жажда победы промелькнули в его зловещем взгляде. Схватив и твердо сжав меч в руках, он поразил Мацера прямо в сердце.

— Господи Иисусе, прими дух мой... — слова его захлебнулись в потоках крови, и он смиренный, но смелый свидетель Христа, ушел из этого мира, чтобы стать частью великой армии мучеников.

— Часто ли случаются подобные сцены? — спросил Марцелл.

— Часто. Всякий раз, когда на арену выходят христиане. Они готовы сражаться с самыми лютыми зверями. Молодые девушки смело выходят навстречу львам и тиграм, но никто из этих безумцев не будет сражаться с человеком. Толпа сильно разочаровалась в Мацере. Он был лучшим из гладиаторов, но, став христианином, поступил, как настоящий глупец.

— Эта религия, должно быть, необыкновенна, если побудила обычного гладиатора поступить подобным образом, — сказал Марцелл.

— Тебе придется больше узнать о ней.

— Как?

— Разве ты не слышал? Тебе поручено разыскать христиан, скрывающихся в катакомбах.

— Мне казалось, что их поймали уже предостаточно. Пятьдесят из них сожжены сегодня утром.

— И сто обезглавлены на прошлой неделе. Но это ничто. Город просто кишит ими. Император решил

полностью восстановить древнюю религию. С тех пор как появились эти христиане, империя приходит в упадок. Он решил навсегда стереть их с лица земли. Они — настоящее проклятие, и должны быть уничтожены. Ты скоро поймешь.²

— Я недавно в городе, потому ничего не знаю об этом, — неуверенно сказал Марцелл. — Даже не знаю, во что на самом деле эти христиане верят. Я слышал, что их обвиняют во всевозможных преступлениях. Однако если все обстоит так, как ты говоришь, то у меня еще будет возможность познакомиться с ними поближе.

Неожиданно их внимание привлекло другое событие.

На сцену вышел сторбленный седой старик. Его встретили градом насмешек, хотя его одухотворенное лицо и благородные манеры должны были вызвать искреннее восхищение. Когда хохот и крики достигли его ушей, он, подняв голову, произнес несколько слов.

— Кто это? — спросил Марцелл.

— Александр, учитель гнусной секты христиан. Он настолько упрям, что не хочет отречься...

— Тихо, он пытается что-то сказать.

— Римляне! — произнес пожилой человек. — Я — христианин. Мой Бог умер за меня, и я с радостью отдаю свою жизнь за Него...

Громкие вопли и проклятия разъяренной толпы заглушили его голос. Крики еще не смолкли, как на арену выскочили три барса и сразу же направились к старику. Он, сложив руки и устремив взгляд к Небесам, зашевелил губами, будто произнося молитву. Разъяренные барсы прыгнули на него, и через несколько секунд разорвали на куски.

Затем на арену были выпущены еще несколько диких зверей. Они скакали по кругу, прыгали на

² Гонение, о котором идет речь, началось при императоре Деции (249-251) и длилось два с половиной года. Сам император погиб в сражении против готов в конце 251 года.

заграждения и в ярости набрасывались друг на друга. Это была отвратительная картина. Внезапно на сцену к зверям была вытолкнута кучка беспомощных узников. Это были преимущественно молодые девушки, принесенные таким образом в жертву кровожадным диким страстям римской публики. Эта сцена вызвала бы жалость в любом сердце, сохранившем хоть каплю нежных чувств. Но жалости не было в Риме. Бедные молодые девушки, встретившись со смертью в столь ужасных обстоятельствах, съежились от страха, поддавшись свойственным человеку слабостям, но уже через какие-то мгновения их вера снова обрела силу, поборов страх. Когда звери, заметив добычу, начали приближаться к молодым девушкам, те, соединив руки и обратив взоры к небу, единодушно запели гимн, который ясно и дивно возносился прямо в Небеса:

*Ему, возлюбившему нас
И омывшему нас от грехов наших
Кровию Своею
И соделавшему нас царями и священниками,
Богу и Отцу Нашему,
Слава и держава
Во веки веков,
Аллилуйя. Аминь!*

Один за другим голоса затихали в крови, агонии и смерти; один за другим крики мучений переливались в возгласы хвалы. Так прекрасные молодые души, героически перенеся страдания и оставшись верными до смерти, унесли свою песню ввысь, чтобы спеть ее вместе с искупленными на Небесах.

Глава II

ЛАГЕРЬ ПРЕТОРИАНЦЕВ

*«...Корнилий сотник, муж
добродетельный и боящийся Бога...»*

Марцелл родился в Гадесе и был воспитан в условиях строгой дисциплины римской армии. Он служил в Африке, Сирии и Британии, где прославился не только смелостью на поле боя, но и мудростью в военном лагере. За это он был вознагражден почестями и продвижением по службе, а по прибытии в Рим, куда он доставил депешу императору, так тому понравился, что сразу же был назначен офицером-преторианцем.

Луцулл никогда не выезжал за пределы Италии, и очень редко покидал родной город. Он принадлежал к одному из старейших и почтеннейших римских родов, унаследовав соответствующее богатство и влияние. Его очаровал смелый и открытый характер Марцелла, и они стали верными друзьями. Луцулл, хорошо зная столицу, был очень полезен для своего друга, и сцена, описанная в предыдущей главе, произошла, когда Марцелл впервые посетил прославленный Колизей.

Лагерь преторианцев, расположившись у городской стены, был соединен с ней с двух сторон полукруглой стеной, окружавшей лагерь. Солдаты жили в выбитых прямо в стене комнатах, напоминавших камеры. Преторианцы были многочисленной и отборной императорской гвардией, имевшей настолько большую власть и влияние, что на протяжении нескольких столетий контролировала само правительство. Являясь офицером-преторианцем, Марцелл мог наверняка рассчитывать на успешную карьеру.

Утром следующего дня Луцулл вошел к нему в комнату. После приветствия он начал говорить о схватке, свидетелями которой они стали.

— Подобные сцены не в моем вкусе, — сказал Марцелл. — Это трусость. Я люблю наблюдать за честным поединком между двумя хорошо обученными воинами, но эта массовая резня, которая происходит у вас в Колизее, просто отвратительна. Почему Мацеру пришлось умереть? Он был смелым человеком, и я уважаю его смелость. А почему тот старик и молодые девушки были отданы на растерзание диким зверям?

— Таков закон. Они были христианами.

— Все дают такой ответ. А что сделали эти христиане? Я видел их по всему миру, но никогда не слышал ни об одном беспорядке, устроенном ими.

— Они — отбросы общества.

— Я это уже слышал; но кто может доказать это?

— Доказать? Да это знает любой прохожий. Их вина в том, что они устраивают тайный заговор против законов и религии империи. Они настолько преисполнены ненависти к нашим установлениям, что готовы скорее умереть, чем принести жертву богам. Они не признают ни императора, ни монарха, а лишь распятого иудея, который, как они считают, снова жив. Кроме того, они проявляют свою недоброжелательность к нам, утверждая, что все мы в будущем будем вечно мучимы в гадесе.

— Возможно, это правда. Я не знаю. Я ничего не знаю о них.

— Город просто кишит ими; империя наводнена христианами. И обрати внимание: заметный упадок и ослабление нашей империи, всеми оплакиваемые, усиливающаяся непокорность народов, уменьшение наших границ — все это возрастает по мере увеличения числа этих христиан. Кто еще виновен в этих трудностях, как не они?

— Но как они стали причиной этого?

— О! Своими противными учениями и обычаями. Они учат, что воевать нельзя, что солдаты — ничтожнейшие из людей, что наша славная религия, благодаря которой мы процветали, несет проклятие, а вечные боги — всего лишь проклятые демоны. Своим учением они стараются подорвать всякую мораль. Тайно они совершают самые ужасные и отвратительные преступления. Они держатся обособленно, живя в непроницаемой секретности, но иногда до нас доходят их нечестивые разговоры и развратные песни.

— Это действительно серьезная ситуация, и, если все это правда, они заслуживают сурового наказания. Но ты сам утверждаешь, что они держатся обособленно, и мы почти ничего не знаем о них. Скажи мне, показались ли тебе пострадавшие вчера на арене люди, похожими на тех, о ком ты говоришь? Показался ли тебе старик человеком, проводившим всю жизнь в порочных делах? Напевали ли те прекрасные молодые девушки развратные песни в ожидании приближающихся львов?

Ему, возлюбившему нас

И омывшему нас от грехов наших...

Марцелл тихо напел слова песни, услышанной им вчера.

— Признаюсь честно, мой друг, мне было жаль их.

— И я тоже заплакал бы, если бы не был римским воином. — в ответ произнес Марцелл. — Задумайся на мгновение! Ты рассказываешь мне истории об этих христианах, которые, с твоих же слов, узнал от невежд. Ты считаешь их низкими и мерзкими отбросами общества. Но я видел их в момент, когда им в глаза смотрела страшная смерть, принять которую смогли бы только самые стойкие люди. И они встретили ее с честью. Они достойно приняли смерть. Преданности, свидетелями которой мы вчера стали, не знала вся история Рима. Ты говоришь, что они презирают солдат, однако они не лишены смелости; ты говоришь, что они предатели, однако они не противятся законам; ты заявляешь, что они нечистые, однако, если чистота вообще существует на земле, она, несомненно, принадлежала тем девам, что вчера умерли.

— Ты так восторженно говоришь об этих изгоях.

— Нет, Луцулл. Я хочу знать правду. Я постоянно слышу подобные рассказы. Но вчера, впервые в жизни, я засомневался в их правдивости. Задав тебе только что несколько вопросов, я обнаружил, что твое мнение о них необоснованно. И только сейчас я припоминаю, что по всему миру эти христиане славятся миролюбивыми и честными людьми. Они не принимают участия ни в каких восстаниях или беспорядках, и ни одно из преступлений, в которых их обвиняют, не доказано в их осуждение. Почему же они должны умирать?

— У императора, я уверен, достаточно оснований для этого.

— Возможно, его подстрекают невежественные и злобные советники?

— Я уверен: это его личное решение.

— Поразительно, сколько их умерло.

— О, да, несколько тысяч; но на свободе их еще больше. И все же, добраться до них не так просто. Но ближе к делу. Я пришел к тебе с поручением от императора.

Луцулл, вынув из-под военной накидки свиток пергамента, протянул его Марцеллу. Тот быстро прочел написанное. Император, назначая его на более высокую должность, поручал ему отыскать и арестовать христиан в их убежищах, особо отметив катакомбы.

Нахмутив брови, Марцелл отложил свиток в сторону.

— Ты, по-моему, не очень рад поручению.

— Признаюсь, задание не из приятных. Я — воин, и не привык охотиться за стариками и детьми, чтобы затем передать их в руки палача; но как солдат я должен подчиниться. Расскажи мне немного об этих катакомбах.

— Катакомбы? Это расположенные под городом и за его пределами подземные пещеры, границы которых нам неизвестны. Христиане убегают в эти катакомбы всякий раз, когда им угрожает опасность, и они также хоронят там своих умерших. Достигнув катакомб, христиане становятся неуязвимыми для властей.

— Кто прорыл эти катакомбы?

— Никто об этом точно не знает. Они существуют уже многие столетия. Я предполагаю, что их вырыли, добывая песок, необходимый для замешивания цемента. В настоящее время добыча песка ведется таким же образом, и ты можешь встретить рабочих, ввозящих его в город по любой из главных дорог. Теперь им приходится уходить далеко за пределы города, ибо на протяжении столетий под городом выкопано столько земли, что сейчас он стоит на основании, похожем на пчелиные соты.

— Есть ли в них главные входы?

— Входов очень много. И в этом вся сложность. Будь их несколько, мы выловили бы беглецов. Но мы не знаем, у каких входов сторожить, чтобы поймать их.

— Есть ли подозрения относительно какого-либо конкретного района?

— Да. На расстоянии двух миль по Аппиевой

дороге, возле гробницы Сицилии Метеллы у большой круглой башни, часто находят тела. Предполагается, что это тела христиан из амфитеатра, унесенные для захоронения. Когда же их замечает охрана, христиане бросают тела и скрываются. Однако все эти сведения малополезны, ибо, даже проникнув в катакомбы, мы не становимся ближе к цели. Никто не может ориентироваться в бесконечном лабиринте пещер без помощи тех, кто живет там.

— А кто живет там?

— Землекопы, все еще добывающие песок для строительства. Почти все они христиане, и они помогают рыть могилы для умерших единоверцев. Эти люди прожили в катакомбах всю свою жизнь. Они не только превосходно знают расположение пещер, но и обладают неким инстинктом, помогающим им ориентироваться в них.

— Ты был когда-нибудь в катакомбах?

— Однажды, очень давно. Моим проводником был один землекоп. Я пробыл там недолго. Это место показалось мне самым ужасным в мире.

— Я только слышал о катакомбах, но ничего толком не знал о них раньше. Странно, что они так мало изучены. Нельзя ли нанять этих землекопов, чтобы они провели нас по лабиринтам пещер?

— Нет. Они не предадут христиан.

— Предпринимались ли для этого какие-то попытки?

— Конечно. Некоторые даже соглашались провести стражей закона по сети туннелей. Однако, как правило, водили их до тех пор, пока у тех не угасали факелы и они, потеряв ориентацию в пространстве и испугавшись, не начинали просить проводников отвести их обратно. Те же, в свою очередь, сообщали, что христиане, должно быть, убежали, после чего провожали стражей порядка до места, с которого они начинали путь.

— Разве не нашлось ни одного решительного человека, который бы пожелал продолжить поиски до конца?

— Если настаивать, землекоп будет водить вас до бесконечности. Однако он будет ходить лишь по бесчисленным туннелям одного конкретного района.

— Разве не отыскалось ни одного, кто предал бы беглецов?

— Было несколько, но какая от этого польза? По первой же тревоге каждый из них исчезает окольными путями, которых множество.

— В таком случае успех моего задания кажется весьма сомнительным.

— Да, но многие возлагают надежду на твою смелость и проникательность. Если тебе удастся выполнить это задание, тебя ждет большой успех. Итак, удачи. Я рассказал тебе все, что знаю. А дополнительно можешь расспросить кого-нибудь из землекопов.

Сказав это, Луцулл ушел.

Марцелл, склонив голову на руки, погрузился в раздумье. Однако из его памяти не уходил мотив прекрасной мелодии, провозглашавшей победу над смертью:

Ему, возлюбившему нас

И омывшему нас от грехов наших...

Глава III

АППИЕВА ДОРОГА

*Гробницы печальным рядом
Охраняют останки великих
Дремлющих на Аппиевой дороге.*

Марцелл, не теряя времени, начал расследование на следующий же день. Так как цель его путешествия состояла главным образом в получении дополнительных сведений, он не взял с собой воинов. Оставив бараки преторианцев, он вышел из города и отправился вниз по Аппиевой дороге.

По обе стороны этой знаменитой дороги возвышались величественные могилы, тщательно поддерживаемые родственниками умерших. Чуть дальше от дороги располагались дома и виллы, прилегающие друг к другу так же близко, как и в самом городе. До поля было еще очень далеко.

Наконец он добрался до огромной круглой башни, расположенной приблизительно в двух милях от городских ворот. Она была сложена из огромных плит известняка и красиво, но просто, украшена. Строгий стиль и крепость строения словно бросали вызов времени и производимому им разрушению.

Марцелл остановился и посмотрел назад. Человеку, не знакомому с Римом, все здесь казалось новым и

интересным. Самым необыкновенным был длинный ряд гробниц. Там окончательно упокоились великие, знатные и смелые люди прошлого, чьи надгробные надписи возвещали о славе, которую они приобрели на земле, и о призрачных перспективах на неведомую жизнь после смерти. Эти пышно украшенные монументы, воздвигнутые состоятельными родственниками, предохранялись от разрушения на протяжении многих лет, благодаря заботе близких и преданных людей. На месте, где он стоял, возвышался мавзолей Сицилии Метеллы; чуть дальше располагались гробницы Калатина и семьи Сервилия. А еще дальше его взгляду предстало место захоронения Сципионов, классическая архитектура гробницы которых прославлялась «прахом ее героических обитателей».

В его уме прозвучали слова Цицерона: «Когда выходишь из Капенских ворот и видишь гробницы Калатина, Сципионов, Сервилиев и Метелл, можно ли подумать, что погребенные узники несчастливы?»

Дальше дорогу перекрывала арка Друза; с одной стороны находился известный грот Эгерии, а чуть дальше было место, где однажды стоял Ганнибал и бросал свое копьё на стены Рима. Длинные ряды гробниц заканчивались у величественной пирамиды Гая Цестия; эта картина представляла собой самую грандиозную панораму великолепных гробниц, которую только можно увидеть на земле.

По обе стороны дороги возвышались дома, ибо имперская столица давно уже вышла за пределы своих первоначальных границ, оставив далеко позади городские стены, и теперь трудно было определить конец города.

Тихий отдаленный гул города, шум от тысяч движущихся колесниц и множества человеческих шагов ласкали его слух. Глазам предстали памятники и храмы, белый блеск императорского дворца, огромное количество куполов и колонн, возвышавшихся перед ним как

бы парящими в воздухе, а на самом верху — Капитолийский холм, увенчанный храмом Юпитера.

Но более волнующим, чем пышность города живых, была печальная торжественность города мертвых.

Целый массив архитектурных шедевров окружал его! Вот возвышаются величественные памятники знатым древним родам, являвшимися гордостью Рима. Героизм, гениальность, доблесть, гордость, богатство и все остальное, что человек ценит и чем восхищается, словно воодушевило величественные надгробные камни, пробуждая эмоции. Перед ним предстала воплощенная в видимых формах древняя языческая религия. Однако ее влияние на человеческую душу никогда не могло сравниться с великолепием ее внешних форм или пышностью ритуала. Надгробные надписи показывали не веру, но любовь к жизни, к победе; не уверенность в вечной жизни, но жалкое стремление к удовольствиям мира.

Таковыми были мысли Марцелла, когда он задумчиво рассматривал открывшуюся перед ним картину, снова вспоминая слова Цицерона: «Можно ли подумать, что погребенные узники несчастливы?»

«Эти христиане, — подумал он, — которых я сейчас разыскиваю, по-моему, знают намного больше, чем я почерпнул из нашей философии. Они не только победили страх перед смертью, но и научились умирать с радостью. Что это за тайная сила, которая может вдохновлять даже столь молодых и слабых из них? Каков скрытый смысл их песни? Моя религия позволяет лишь надеяться, что я не буду несчастливым после смерти; их религия ведет их на смерть с победной песней радости».

Но как найти этих христиан? Толпы людей проходили мимо, но никто из них, казалось, не мог ему помочь. Здания всевозможных размеров, стены, гробницы и храмы окружали его, но он не видел ничего, что могло бы привести его в катакомбы. Он не представлял себе, что делать дальше.

Медленно шагая по улице, он внимательно рассматривал каждого прохожего и окружавшие его здания. Однако все увиденное не давало ни малейшего намека на взаимосвязь с подземным миром. День подходил к концу, становилось поздно; но Марцелл помнил, что существует множество входов в катакомбы, и поэтому не прерывал своих поисков, надеясь к вечеру найти хоть какую-нибудь зацепку.

В конце концов, его поиски увенчались успехом. Прохаживаясь взад и вперед в разных направлениях, он время от времени возвращался к месту, откуда начал свои поиски. Смеркалось, солнце уже опустилось к горизонту, когда его острый взгляд остановился на шедших к нему навстречу мужчине и мальчишке, следующем за ним. Мужчина был одет в грубую одежду, покрытую пятнами от песка и земли. Он выглядел бледным, словно узник, и весь его внешний вид моментально завладел вниманием молодого воина.

Он подошел к нему и, положив руку на плечо, строго сказал:

— Ты землекоп. Пойдем со мной.

Мужчина посмотрел на него, и, увидев одежду офицера, в ужасе отпрыгнул в сторону. Не успел Марцелл шевельнуться, как тот стремглав кинулся в переулок, скрывшись из виду.

Но Марцелл успел схватить мальчишку.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Бедный мальчик посмотрел на него с таким страхом, что Марцелл на мгновение заколебался.

— Сжальтесь ради моей мамы; она умрет, если меня отберут у нее, — бормотал мальчик, упав к ногам Марцелла

— Я не обижу тебя. Пошли. — И Марцелл отвел его в сторону от прохожих.

— Итак, — сказал он, остановившись и повернувшись лицом к мальчику, — говори правду. Кто ты?

— Меня зовут Поллио, — ответил мальчик.

- Где ты живешь?
- В Риме.
- А что здесь делаешь?
- Я был здесь по поручению.
- Кто был тот мужчина?
- Землекоп.
- Почему вы шли вместе?
- Он помогал мне нести пакет.
- А что было в пакете?
- Продукты.
- Кому ты их нес?
- Одному бедняку из этой местности.
- Где он живет?
- Недалеко отсюда.
- Говори мне только правду. Ты знаешь что-нибудь

о катакомбах?

- Я слышал о них, — тихо сказал мальчик.
- А ты был когда-либо в них?
- Да, в некоторых.
- Ты знаешь кого-нибудь из тех, кто живет там?
- Некоторых знаю. Землекоп, например, живет там.
- Значит, ты шел вместе с ним в катакомбы?
- Зачем мне идти туда так поздно? — невинно

сказал мальчишка.

— Именно это меня и интересует. Ты шел в катакомбы?

— Как посмел бы я туда войти, если это запрещено законом?

— Уже вечер, — внезапно сказал Марцелл. — Пойдем со мной на вечернюю службу в вон тот храм.

— Я с-пе-шу. — заикаясь, произнес мальчик.

— Но ты теперь мой пленник. Я никогда не забываю о поклонении богам. Ты должен пойти со мной и помочь мне при исполнении молитв.

— Я не могу, — твердо сказал мальчик.

— Почему же?

— Я христианин.

— Так я и знал. У тебя есть друзья в катакомбах, и ты только что направлялся именно туда. Они и есть теми бедняками, которым ты несешь продукты, и поручение твое состоит именно в этом.

Мальчик стоял молча, опустив голову.

— Я хочу, чтобы ты отвел меня прямо сейчас ко входу в катакомбы.

— Прошу вас, великодушный воин, сжальтесь надо мной! Не заставляйте меня делать это. Я не могу. Я не могу предать своих друзей.

— Тебе и не нужно никого предавать. Нет ничего плохого, что ты покажешь мне один из тысячи входов, ведущих под землю. Неужели ты думаешь, что охрана их не знает?

Мальчик задумался на мгновение, потом согласился.

Взяв мальчика за руку, Марцелл последовал за ним. Они свернули направо от Аппиевой дороги, а затем прошли немного вперед. Там стоял нежилой дом. Войдя в него, они спустились в подвал. Там мальчик остановился, указав на дверь стенного шкафа.

— Я хочу зайти вовнутрь, — твердо сказал Марцелл.

— Неужели вы пойдете туда в одиночку?

— Христиане говорят, что они не могут убить человека. Кого мне тогда бояться? Веди меня.

— У меня нет факела.

— Зато у меня есть. Я подготовился. Вперед!

— Я не могу.

— Ты отказываешься?

— Я должен отказаться, — сказал мальчик. — Мои друзья и родственники находятся внизу. Я лучше умру сто раз, чем отведу вас к ним.

— Ты смелый. Но ты не знаешь, что такое смерть.

— Не знаю? Покажите мне христианина, который бы боялся смерти. Я видел многих моих друзей, умирающими в ужасных муках, и я помогал хоронить их. Я не отведу вас туда. Ведите меня в тюрьму.

Мальчик отвернулся.

— Но если я уведу тебя, что подумают твои друзья? У тебя есть мать?

Мальчик, склонив голову, зарыдал. Упоминание этого дорогого имени сокрушило его сердце.

— Вижу, что есть и ты любишь ее. Веди меня вниз, и ты снова увидишь ее.

— Я никогда не предам их. Я лучше умру. Делайте со мной, что хотите.

— Если бы у меня были плохие намерения, — сказал Марцелл, — разве пришел бы я сюда в одиночку?

— А что еще нужно воину, притом преторианцу, от гонимых христиан? Разве не их смерти?

— Мальчик, у меня нет злых намерений. Если ты отведешь меня вниз, клянусь, что не воспользуюсь тем, что узнаю, во вред твоим друзьям. Когда я спущусь вниз, я сам буду узником, и они смогут сделать со мной все, что пожелают.

— Ты клянешься, что не предашь их?

— Клянусь жизнью цезаря и бессмертных богов, — торжественно заявил Марцелл.

— Тогда пошли, — сказал мальчик. — Нам не нужны факелы. Осторожно следуй за мной.

И мальчик вошел в узкое отверстие.

Глава IV

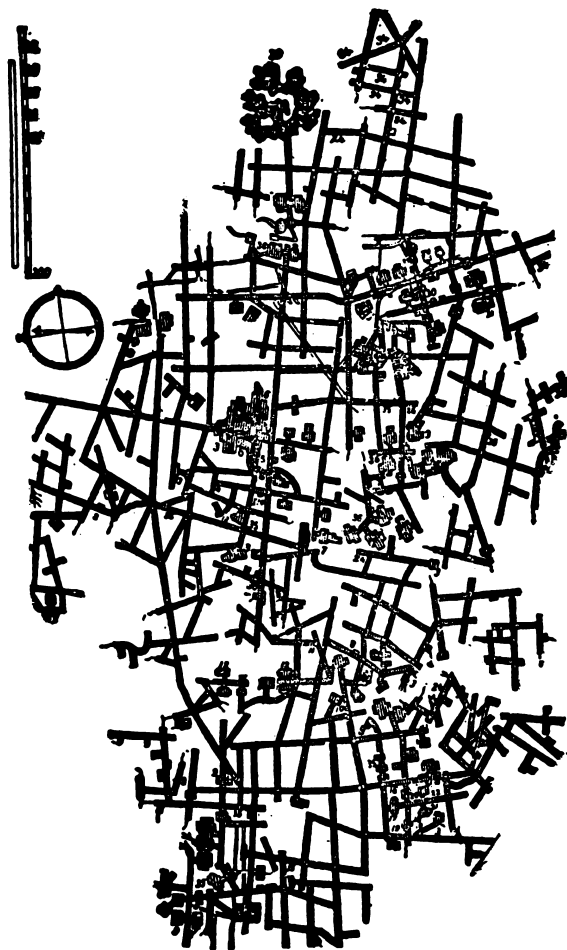
КАТАКОМБЫ

*Это был не свет, но видимая тьма,
Открывшая перед нами картины горя,
Место печали, скорбные тени.*

Они шли в полном мраке, пока, наконец, не достигли расширения туннеля и ступенек, уходивших еще ниже под землю. Марцелл, держась за накидку мальчика, шел за ним следом.

Вне сомнений, сложившаяся ситуация не могла не вызвать чувства тревоги. Он добровольно отдался воле людей, которых его сословие загнало в это мрачное подземелье. Для них он мог быть только гонителем. Однако в нем укрепилась столь сильная уверенность в их доброте и кротости, что он совершенно не чувствовал страха. Мальчик мог привести его к месту, где его легко бы убили в непроглядной темноте лабиринтов но он об этом даже не задумывался. Его желание побольше узнать об этих христианах, проникнуть в их тайну, влекло его вперед; он же решил быть верным своей клятве — не использовать увиденное во зло.

После непродолжительного спуска они снова пошли по лабиринтам, расположенным горизонтально. Вскоре они, повернув, вошли в маленькое куполообразное помещение, едва освещаемое огнем из печи. Мальчик

План катакомб

шел уверенно, как человек, хорошо знающий эту дорогу. Войдя в помещение, он зажег факел, лежавший на земле, и продолжил путь.

В воздухе витал погребальный запах, не похожий ни на один другой. Кроме духоты, сырости и запаха земли, чувствовалось еще что-то, объединяющее и усиливающее их. Это было ощущение присутствия смерти, накладывающей свой отпечаток на разум и тело. Этот воздух катакомб, холодный и сырой, был для посетителя, как дуновение из царства мертвых. Живой чувствовал там необъяснимую силу смерти.

Поллио шел впереди, а Марцелл следовал за ним. Факел лишь тускло освещал беспросветную темноту. Ни один луч дневного света не мог проникнуть сюда и рассеять угнетающий мрак. Тьма фактически ощущалась. Свет факела, отдаляясь всего лишь на несколько шагов, таял в темноте.

Туннель был извилистый, со множеством поворотов. Неожиданно Поллио остановился и показал пальцем вниз. Вглядевшись в темноту, Марцелл увидел отверстие на дне пещеры. Казалось, что это — бездонная яма.

— Куда ведет этот вход?

— Вниз.

— А внизу тоже есть ходы?

— Да. Не меньше, чем здесь, а под теми пещерами есть еще и другие. Я бывал на трех разных уровнях, а некоторые старые землекопы говорят, что кое-где они уходят очень глубоко.

Туннель был настолько извитым, что Марцелл окончательно запутался. Он уже совершенно не представлял, находится ли всего в нескольких шагах от входа, или же на расстоянии многих стадий³ от него. Но на смену сумбурным мыслям вскоре пришли другие. Немного привыкнув к темноте, он начал более внимательно осматриваться по сторонам, отмечая

³ Одна стадия равняется 185-и метрам.

особенности этого странного места. Повсюду в стенах располагались длинные узкие ниши, прикрытые табличками. Эти ниши рядами шли по обе стороны, находясь настолько близко друг к другу, что между ними практически не было свободного места. Надписи на табличках указывали, что это были христианские захоронения. У него не было времени, чтобы остановиться и внимательнее прочесть их, но он отметил одно часто повторявшееся слово:

ОНОРИЯ — МИРНО ПОКОИТСЯ

ФАУСТА — В МИРЕ

Почти на каждой табличке он встречал сладкое, нежное слово «МИР». «Удивительные люди эти христиане, — подумал Марцелл. — Даже в таком месте, как это, они способны сохранять свое возвышенное презрение к смерти!»

Его глаза, насколько это было возможно, привыкли к полному мраку. Туннель постепенно сужался, делая проход все уже и ниже; им приходилось нагибаться и идти все медленнее. Стены были неровными и плохо отшлифованными, такими, какими их оставили рабочие, закончив в этих местах добычу песка для постройки величественных сооружений наверху. Воздух был пропитан сыростью подземелья, а темно-серые стены покрыты грибками, делающими их еще более темными; горящие факелы усиливали гнетущую атмосферу.

Они миновали множество пещер, ответвляющихся в стороны. Эти бесчисленные тропинки напоминали Марцеллу, каким беспомощным и оторванным от мира он был в тот момент. Вся его жизнь находилась в руках этого мальчугана.

— А были случаи, чтобы кто-то заблудился?

— Часто.

— И что с ними случилось?

— Иногда они ходили до тех пор, пока не встречали

своих друзей, но иногда о них больше никто ничего не слышал. Но сейчас большинство из нас знают туннели настолько хорошо, что, если даже кто-то сбивается с пути, то вскоре снова возвращается на знакомую тропинку.

Но одна деталь особенно поразила молодого воина — большинство гробниц были очень маленькими. Поллио объяснил, что это детские могилы, и это наполнило его мыслями и чувствами, ранее им не испытываемыми.

— Дети! — подумал он. — Почему в столь страшном месте находятся юные, чистые, невинные существа? Почему они похоронены здесь, а не наверху, где нежно и радостно светит солнце, и на могилах растут цветы? Неужели им тоже пришлось ходить этими темными тропами всю свою жизнь? Страдали ли они вместе с теми, кто был загнан сюда преследованиями? Не стал ли губительный воздух и вечный мрак этих печальных обитателей причиной их преждевременной смерти, унесшей их непорочные души из этого мира?

— Мы идем уже так долго, — сказал Марцелл. — Сколько нам еще осталось?

— Очень мало, — ответил мальчик.

Что бы ни думал Марцелл об облаве на этих беглецов до того, как вошел в пещеру, сейчас он ясно осознавал тщетность подобного предприятия. Целая армия могла бы сюда войти, но так и не найти ни одного христианина. Чем дальше они бы шли, тем более безнадежными были бы их усилия. Разбредшись по бесчисленным туннелям, они ходили бы в них до самой смерти.

Но вдруг издалека донесся тихий звук, завладевший его вниманием. Он был невыразимо приятным, низким и музыкальным. Разливаясь по длинным проходам, он походил на небесную песню.

Пройдя чуть дальше, они увидели лучи света, рассекавшие темноту. Звуки были громкими, когда

произносились величественные слова хвалений, и более низкими, когда произносились слова скорбного моления.

Через несколько минут, когда они добрались до поворота туннеля, перед их глазами открылась светлая комната.

— Стой, — сказал Поллио, затушив факел.

Марцелл послушался, удивленно присматриваясь к открывшейся картине. Перед ним было куполообразное помещение около пяти метров в высоту и десяти — в длину. В помещении находилось около ста человек мужчин, женщин и детей. С одной стороны находился стол, за которым стоял почтенный мужчина, по-видимому, их глава. Место освещалось светом от факелов, бросающих отблески огня на все собрание. Люди были изможденными и слабыми, и их лица отличались той же бледностью, которую Марцелл заметил у повстречавшегося ему на дороге землекопа. Однако на них не было видно ни следов печали, ни страданий, ни разочарования. Их глаза излучали надежду, их поднятые вверх лица выражали радость и победу. Увиденное коснулось глубочайших струн души Марцелла, так как оно подтвердило все, что он уже видел в христианах: героизм, надежду, мир, основанные на чем-то скрытом от него. Прислушавшись, он уловил слова песни, исполняемой нараспев всей общиной:

*«Велики и чудны дела Твои,
Господи Боже Вседержитель!
Праведны и истинны пути Твои,
Царь святых!
Кто не убоится Тебя, Господи,
И не прославит имени Твоего?
Ибо Ты един свят.
Все народы придут
И поклонятся пред Тобою,
Ибо открылись суды Твои».*

После песни почтенный старец прочитал из свитка слова, каких Марцелл никогда раньше не слышал. Это было возвышенное утверждение о бессмертии души и жизни после смерти. Собрание, казалось, всем сердцем прильнуло к услышанному, будто в нем состояла вся их жизнь. Наконец чтец радостно и с особым акцентом возвестил слова, вызвавшие шепот благодарности и радостной надежды у собравшихся. Эти слова взволновали сердце слушателя, несмотря на то, что он до конца не понимал их значения: *«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Жало же смерти — грех; а сила греха — закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»*

Эти слова, казалось, открыли его уму новый мир с новыми мыслями. Множество мыслей связанных с грехом, смертью, Христом смутно тревожили его пробуждающуюся душу. Не дававшее ему покоя желание проникнуть в тайну христиан, казалось, теперь еще сильнее вспыхнуло в нем.

Глава собрания, подняв голову и возведя вверх руки, произнес пламенную молитву. Он обращался к невидимому Богу, сердечно признаваясь в собственной ничтожности, благодарил Бога за очищение от греха через искупительную кровь Христа. Он молился об освящении присутствующих через работу Святого Духа. Затем он перечислил печали, помолившись об избавлении и попросив веры в жизни, победы в смерти и свободного входа в Небеса во имя Исккупителя Иисуса.

Потом все исполнили нараспев еще одну песню:

*«Се, скиния Бога с человеками,
И Он будет обитать с ними;
Они будут Его народом,
И Сам Бог с ними будет Богом их.
И отрет Бог всякую слезу с очей их,
И смерти не будет уже; ни плача, ни вопля,
Ни болезни уже не будет,*

*Ибо прежнее прошло». Аминь.
«Благословение и слава,
И премудрость и благодарение,
И честь и сила и крепость
Богу нашему
Во веки веков! Аминь».*

После этого все начали расходиться. Поллио вышел вперед, ведя за собой Марцелла. Увидев его военную выправку и блестящие доспехи, все отпрянули назад, готовые скрыться в многочисленных туннелях.

— Не бойтесь, христиане, ибо я нахожусь в вашей власти, — громко произнес Марцелл.

Услышав это, все остановились и посмотрели на него с беспокойным любопытством. Пожилой человек, проводивший собрание, подошел к нему, пристально вглядываясь.

— Кто вы и почему ищите нас в этом последнем для нас убежище на земле?

— Не беспокойтесь, у меня благие намерения. Я пришел один, без сопровождения. Я полностью в ваших руках.

— Но что нужно солдату-преторианцу от нас? Вас преследуют? Вы совершили преступление? Ваша жизнь находится в опасности?

— Нет. Я высокопоставленный офицер. Но всю свою жизнь я ревностно пытаюсь найти истину. Я много слышал о христианах, однако сейчас, в период гонений, вас очень сложно встретить в Риме. Поэтому я нашел вас здесь.

После этих слов пожилой мужчина попросил общину оставить их наедине, чтобы он мог пообщаться с гостем. Все охотно выполнили его просьбу, разойдясь по многочисленным туннелям и почувствовав большое облегчение. Бледная женщина, быстро подойдя к Поллио, обняла его.

— Как долго тебя не было, сынок!

— Я встретил этого воина, мама, и он задержал меня.

— Слава Богу, ты цел. Но кто он?

— Я думаю, он честный человек, — сказал мальчик. — Видишь, как он доверяет нам.

— Сицилия, — попросил глава собрания, — задержись на минутку. Женщина осталась, а с ней еще несколько человек.

— Меня зовут Онорий, — сказал пожилой человек, обращаясь к Марцеллу. — Я — смиренный старец Церкви Христовой. Я верю, что твои слова искренни и серьезны. Расскажи теперь, что ты хочешь от нас.

— Меня зовут Марцелл. Я офицер преторианской гвардии.

— О! — воскликнул Онорий и, сжав руки, бесильно опустился на стул.

Остальные печально посмотрели на Марцелла.

— Поллио! Как ты мог предать нас? — горько воскликнула леди⁴ Сицилия.

---

⁴ Слово «леди» свидетельствует о том, что эта женщина происходила из знатного рода.

Глава V

СЕКРЕТ ХРИСТИАН

*«Великая благочестия тайна:
Бог явился во плоти...»*

Молодой воин был поражен реакцией, вызванной произнесением своего имени.

— Что вас так напугало? — спросил он. — Неужели я сказал что-то не так?

— Увы! — сказал Онорий. — Несмотря на то, что мы загнаны в это место, мы поддерживаем постоянную связь с городом. Мы слышали, что грядут еще более суровые гонения, и о том, что Марцеллу, офицеру-преторианцу, поручено найти нас. Теперь мы видим вас, нашего главного врага, перед собой. Так разве нет у нас причин бояться? Зачем вам искать нас здесь?

— Вы не должны меня бояться, — воскликнул Марцелл, — даже, если бы я действительно был вашим злейшим врагом! Разве не нахожусь я в вашей власти? Если бы вы решили задержать меня, разве смог бы я убежать? Если бы вы захотели убить меня, разве смог бы я сопротивляться? Я беспомощен в этом месте.

И это — доказательство, что я пришел к вам не со злом.

— Это правда, — сказал Онорий, успокоившись. — Вы правы, вы никогда бы не вернулись обратно без нашей помощи.

— Выслушайте меня, и я объясню вам все. Я римский воин. Родился в Испании и был воспитан в целомудрии и морали. Я был научен бояться богов и выполнять свой долг. Я побывал во многих странах и полностью посвятил себя выбранной профессии. Однако никогда не забывал о религии. В свободное время я изучил сочинения греческих и римских философов. В результате, я научился от них презирать наших богов и богинь, которые ничем не лучше, но даже хуже меня самого.

От Платона и Цицерона я узнал о существовании Единого Верховного Божества, которому я обязан подчиняться. Но как я могу узнать о Нем и как мне подчиниться Ему? Также я узнал, что я бессмертен и стану духом, когда умру. Каким я буду тогда? Буду ли я счастливым или несчастным? Как мне обеспечить себе счастье в той духовной жизни? Они описывают славу вечной жизни возвышенными словами, но не дают никакого совета простым людям, таким, как я. Больше узнать об этом — и есть искренним желанием моей души.

Жрецы ничем не могут мне помочь. Они преданы старым обрядам и ритуалам, в которые сами уже не верят. Религия предков мертва, и людям она уже безразлична.

В разных странах я много слышал о христианах. Но будучи запертым в своем лагере, я практически не имел возможности увидеть их. Честно говоря, они мне были безразличны до недавних пор. Я слышал то, что говорят все об их безнравственности, тайных пороках, предательских учениях. И я верил всему этому.

Но несколько дней назад я был в Колизее. Там впервые я узнал правду о христианах. Я видел

гладиатора Мацера, человека, не ведавшего страха и пожертвовавшего своей жизнью, чтобы не сделать того, что не согласуется с его верой. Я видел пожилого человека, встретившего смерть с умиротворенной улыбкой; но более всего меня поразила смерть молодых девушек, отданных на растерзание диким зверям, из уст которых в последние мгновения жизни исходила восторженная песня:

*Ему, возлюбившему нас
И омывшему нас от грехов наших...*

Во время рассказа Марцелла происходило что-то необыкновенное. Глаза слушающих сверкали рвением и радостью. Когда он упомянул о Мацере, они многозначительно посмотрели друг на друга; когда он говорил о пожилом человеке, Онорий склонил голову; а когда он заговорил о девушках и прошептал слова их песни, они, отвернувшись в сторону, заплакали.

— Впервые за всю свою жизнь я увидел победу над смертью. Я сам могу встретить смерть без страха, как любой воин, выходящий на поле боя. Это наша профессия. Но эти люди, умирая, радовались. Они были не воинами, а детьми, которых переполняли эти чудесные внутренние чувства.

С тех пор я только и думаю об этом. Кто этот Возлюбивший вас? Кто этот Омывший вас от грехов ваших? Кто производит в вас эту невероятную смелость и надежду на вечную жизнь? Кто подкрепляет вас в этой жизни? Кто Этот, Кому вы только что возносили молитву?

Мне приказано привести сюда солдат и уничтожить вас. Но сначала я хочу больше узнать о вас. И я клянусь Всевышним, что мой приход не принесет вам никакого вреда. Расскажите же мне, в чем секрет христиан.

— Ваши слова, — сказал Онорий, — правдивы и искренни. Теперь я знаю, что вы не враг, ищущий

нашей гибели, но душа, посланная Духом научиться тому, чего вы искали многие годы. Радуйтесь, потому что всякий, приходящий ко Христу, никогда не будет изгнан вон.

Перед вами мужчины и женщины, оставившие друзей, дом, почести и богатство, чтобы жить здесь в нужде, страхе и печали. И все это они почитают ничем ради Христа; да, даже свои собственные жизни они считают ничем. Они отдают все ради Возлюбившего их.

Вы правы, Марцелл, думая, что существует некая верховная сила, которая совершает все это. Эта сила — не фанатизм, не самообман, не плод возбужденного разума. Это знание истины и любовь к живому Богу.

То, что вы пытались найти всю вашу жизнь, является нашим драгоценнейшим сокровищем. Оно сокрыто в наших сердцах, оно для нас дороже всего, что может дать мир. Оно приносит нам счастье в жизни, даже в этих мрачных пещерах, а в смерти дает силы одержать победу.

Вы хотите знать Верховное Существо. Наша христианская вера — Его откровение, и через нее Он открывает Себя нам. Он обладает не только безграничным величием и могуществом, но и безграничной любовью и милостью. Эта вера сближает нас с Ним настолько сильно, что Он становится для нас всем — лучшим Другом, Поводырем, Утешением, Надеждой, Создателем, Искупителем и настоящим и вечным Спасителем.

Вы хотели узнать о вечной жизни. Наши Писания рассказывают об этом. В них мы читаем, что, веря в Иисуса Христа, Сына Божьего, и любя и служа Богу на земле, мы будем жить с Ним вечно в безмерном блаженстве на Небесах. В них указывается, как нам жить, чтобы угодить Ему, и как мы будем прославлять Его в будущем. Из них мы узнаем, что смерть, наш враг, больше не является проклятием для верующих, но благословением, так как *«разрешиться и быть со*

Христом несравненно лучше», чем оставаться здесь, ибо так мы входим в присутствие возлюбившего нас и предавшего Себя за нас.

— Если все это правда, — воскликнул Марцелл, — открой мне истину. Я искал ее многие годы; об этом я молился Всевышнему, о Котором слышал. Вы владеете тем, о чем я только стремлюсь узнать. Передо мной открылась цель моей жизни. У нас впереди целая ночь. Не отсылайте меня, но сейчас же все расскажите. Действительно ли все это, о чем вы говорите, открыл людям истинный Бог, а я до сих пор об этом не слышал?

Слезы радости заблестели на глазах христиан. Онорий, тихо прошептав слова благодарности и молитвы, достал свиток, обращаясь с ним чрезвычайно осторожно.

— Вот, — сказал он, — возлюбленный юноша, здесь записаны слова жизни, ниспосланные нам Богом, которые наполняют людей миром и радостью. В них мы находим все, чего желают наши души. Из этих божественных слов мы узнаем то, чего не узнать больше нигде; если даже всю свою жизнь человек будет размышлять над ними, он все равно не сможет постичь до конца истины, записанные там.

Затем Онорий, развернув свиток, начал читать Марцеллу об Иисусе. Он читал об обещании, данном в Едемском саду, о Том, Кто будет поражать сатану в голову, о длинной череде пророков, возвещавших Его приход; об избранном народе, через который Бог сохранял знание истины на протяжении стольких веков, и о чудных делах, свидетелями которых они сделались. Он прочитал возвещение, что Сын Божий родится от девы. Он прочитал о Его рождении, Его детстве, Его выходе на служение, Его чудесах, Его учении. Все это он читал из священного свитка, останавливаясь для коротких объяснений.

Затем он рассказал об отношении людей к Сыну

Божьему; о пренебрежении, презрении и гонениях, ускоривших предательство и осуждение Его на смерть.

Наконец он прочитал историю о Его смерти на Голгофском кресте.

На Марцелла эта история подействовала наиболее сильно. Его ум, казалось, прояснился. Святость Бога, с отвращением смотрящего на грехи человека; Его справедливость, требующая наказания; Его терпение, так часто проявляющее снисхождение; Его милость, зародившая план спасти Свое творение от гибели, которую люди сами навлекли на себя; Его удивительная любовь, побудившая отдать Своего Единородного и возлюбленного Сына, любовь, приведшая Его сюда, чтобы принести Самого себя в жертву для спасения, — все это стало совершенно понятным для него. Подойдя к концу трогательной истории о Голгофе и прочтя слова Христа, которые Он возопил: *«Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»*, а затем, победное: *«Совершилось!»*, Онорий услышал плач Марцелла. Посмотрев сквозь пелену слез, застилавшую его собственные глаза, он увидел, как этот сильный человек согнулся, сотрясаемый бурными рыданиями.

— Хватит, достаточно, — прошептал он. — Мне нужно подумать о Нем:

*Ему, возлюбившему нас
И омывшему нас от грехов наших
Кровию Своею.*

После этого Марцелл закрыл лицо руками.

Онорий возвел глаза к Небесам и помолился. Они остались вдвоем, так как остальные тихо удалились. Тусклый свет лампы, стоявшей за спиной Онория, едва освещал комнату. В этой тишине они оставались очень долго.

Наконец Марцелл поднял голову.

— Я чувствую, — сказал он, — что также являюсь

виновником смерти Святого. Продолжайте читать, я хочу слышать слова жизни, ибо вся моя жизнь зависит от них.

Затем Онорий снова прочел историю о распятии и погребении Иисуса; после этого — о Его воскресении утром третьего дня, о вознесении и пребывании в настоящее время одесную Бога. Он прочитал о сошествии в день Пятидесятницы Духа Святого, крестившего всех верующих в одно Тело; о Его постоянном присутствии, превращающем тело верующих в Его храм; и о чудесном служении Духа — прославлять Христа, и открывать Его всем кающимся грешникам.

Но он не остановился на этом, он хотел принести мир душе Марцелла, поэтому прочитал слова Иисуса, призывающие грешника придти к Нему, чтобы получить вечную жизнь уже сейчас — в момент покаяния и уверования в Него как своего Спасителя. Он прочитал о «рождении свыше», о новой жизни, об обещании Иисуса придти во второй раз и забрать Свой омытый кровью народ и встретиться с ним в воздухе.

— Это воистину Слово Божье! — воскликнул Марцелл. — Это голос с Небес. Мое сердце отзывается на все услышанное, и я знаю, что эти слова непременно должны быть вечной истиной! Но как я могу получить это спасение? С моих глаз будто пелена спала. Наконец-то я понял себя. Раньше я считал себя честным и праведным человеком. Но в сравнении со Святым, которого я только что узнал, я — прах; я вижу, что я преступник перед Ним, виновный и погибающий. Как я могу спастись?

— Иисус Христос пришел в мир, чтобы *«взыскать и спасти погибшее»*.

— Но как я могу принять Его?

— *«Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса*

Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению».

— Но разве нет ничего, что я должен сделать?

— *«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился». «Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем».*

— Но разве нет никакой жертвы, которую я могу принести?

— *«Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога», «посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них».*

— О, если мне можно прийти к Нему, научите меня словам, помогите мне в этом!

Во мраке этой угрюмой пещеры, в уединении и священном молчании, Онорий опустился на колени, а вместе с ним и Марцелл. Почтенный христианин возвысил свой голос в молитве. Марцелл чувствовал, будто его душа была поднята в Небеса в самое присутствие Спасителя, благодаря силе этой пылкой молитвы веры. Слова эхом отзывались в его душе и духе; и глубоко ощущая свое несовершенство, он полагался на стоящего рядом человека, чтобы тот выразил его нужду так, как он сам того сделать не мог. Но, наконец, его собственные желания укрепились. Вера, победив робость, укрепила его трепетную душу — это и была настоящая вера. Когда Онорий закончил свою молитву, из уст Марцелла вылетели слова, исходящие из самой глубины его сердца: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» И тут он твердо уверовал в Единого Посредника «между Богом и людьми, человека Иисуса Христа»; и слова Иисуса: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на

суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. И Я даю им [моим овцам] жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей» были приняты с верой, произведя в душе его радость.

Прошли часы. Но кто сможет в точности описать все, что произошло с душой, перешедшей из смерти в жизнь? Достаточно сказать, что когда наступило утро, озарив своим светом землю, чудесный день засиял и в душе и духе Марцелла в этой подземной пещере. Все его стремления были полностью удовлетворены; ноша греха сброшена, и мир Божий, чрез Иисуса Христа, наполнил его.

Секрет христиан теперь был открыт для него, и он добровольно стал рабом Иисуса Христа. Объединившись со своими братьями во Христе, теперь он мог вместе с ними воспеть гимн:

*Ему, возлюбившему нас
И омывшему нас от грехов наших
Кровию Своею...
Слава и держава
Во веки веков...*

Глава VI

ОБЛАКО СВИДЕТЕЛЕЙ

«Все сии умерли в вере»

Вскоре новообращенный узнал еще больше о христианах. После короткого отдыха он встал и присоединился к Онорию, предложившего ему осмотреть место, где они жили.

На собрании, свидетелем которого он стал, присутствовала лишь малая часть обитателей катакомб. Число их достигало многих тысяч, и все они жили малыми общинами, каждая из которых имела свою отдельную связь с городом. Марцелл долго шел с Онорием. Его поразило множество людей, повстречавшихся им на пути; и хотя он знал, что христиан много, он не мог предположить, что из них такое большое количество отважились избрать жизнь в катакомбах.

Но кроме живых, его столь же сильно интересовали и мертвые. Проходя по туннелям, он читал надписи на надгробных табличках, отмечая на всех одинаковое

свидетельство о сильной вере и благородной надежде. Ему нравилось читать надписи, а живой интерес Онория к этим памятникам набожным людям делал из него близкого по духу проводника.

— Вон там, — сказал Онорий, — покоится свидетель истины.

Марцелл, посмотрев на указанное Онорием место, прочел:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ, ИСПЫТАВ УЖАСНЫЕ МУЧЕНИЯ, ТЕЛО ХРАБРОГО МУЧЕНИКА ВЕРЫ, НОСИВШЕГО ИМЯ ПРИМИТА, ПРОЖИВШЕГО ОКОЛО ТРИДЦАТИ ВОСЬМИ ЛЕТ. ЭТУ НАДПИСЬ ПОСТАВИЛА СВОЕМУ ДОРОГОМУ И ЗАСЛУЖИВШЕМУ ЭТО МУЖУ ЕГО ЖЕНА.

— Такие люди, — сказал Онорий, — показывают нам пример того, как должны умирать христиане. Вон еще один, пострадавший подобно Примиту:

ПАВЕЛ ПОГИБ ВО ВРЕМЯ ПЫТОК, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ БЛАЖЕНСТВА.

— А там, — указал Онорий, — находится гробница благородной женщины, показавшей стойкость, которую Христос может послать в нужную минуту даже самым слабым из Его последователей:

ЗАМУЧЕННАЯ И КАЗНЕННАЯ КЛЕМЕНТИЯ. СПИТ, ВОСКРЕСНЕТ.

— Когда человек, — сказал Онорий, — получает призыв пройти через двери смерти, его дух моментально выходит из тела и водворяется у Господа. Обещанный приход нашего Господа, который может произойти в любой момент, является блаженным упованием христианина, наставленного в Слове Божьем. *«Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе*

воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем».

— А вот, — продолжил Онорий, — лежит Констанс, дважды оставшийся верным своему Богу, пережив двойное испытание. Сначала ему был дан яд, но он не причинил ему никакого вреда, после чего он был заколот мечом.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЯД НЕ СМОГ ВРУЧИТЬ КОНСТАНСУ ВЕНЕЦ; ЖЕЛЕЗУ БЫЛО ПОЗВОЛЕНО СДЕЛАТЬ ЭТО.

Так они ходили очень долго, читая надписи, которые часто встречались на стенах. Марцелла наполнили новые чувства, когда он читал каталог славных имен. Для него это была история Церкви Христовой. Эти надгробные надписи рассказали ему о мучениках, зажегши огонь в его сердце. Незамысловатые картины на надгробьях вызвали скорбь, какую не смогли бы вызвать даже самые лучшие произведения искусных художников. Грубо вырезанные буквы, грамматические ошибки в надписях трогательно свидетельствовали о драгоценности Евангелия для бедных и униженных. *«Не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных»*; но нищим возвещено Евангелие.

На многих надгробьях была изображена монограмма, состоявшая из первых букв титулов Христа (Χριστός Παῦρος, Христос Господь), где «Х» и «Р» соединены, образуя один знак. На некоторых была нарисована пальмовая ветвь, являющаяся символом победы и бессмертия, символом тех славных пальмовых ветвей, которыми будут махать бесчисленное множество людей пред престолом Агнца в будущем. На других были иные изображения.

— Что обозначает этот корабль? — спросил Марцелл, указав на рисунок.

— Он говорит нам, что дух искупленного человека переплыл с земли на Небеса.

— А что означает эта рыба, которая также встречается очень часто?

— Рыба используется потому, что буквы, образующие это слово на греческом, являются первыми буквами слов, выражающих славу и надежду христиан. «Ι» — первая буква в слове «Иисус», «Χ» — «Христос», «Θ» и «Υ» означают «Сын Божий», а «Σ» — «Спаситель», поэтому греческое слово рыба, «ΙΧΘΥΣ», означает «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель».

— А что означает картина с кораблем и огромным морским чудовищем?

— Это Иона, пророк Божий, о котором ты еще не знаешь.

Онорий рассказал Марцеллу об Ионе, объяснив ему, как освобождение из внутренностей рыбы напоминает христианам об их избавлении от тьмы могилы. Затем он сказал: «Эта славная надежда воскресения является невыразимым утешением, и нам нравится напоминать себе об этом различными символами. Вот еще один символ этой блаженной истины — голубь, несущий масличный лист к Ною». Он также поведал Марцелу историю о потопе, чтобы тот смог понять смысл символа. И, указав на картину воскрешения Лазаря, подчеркнул: «Из всех символов, которые мы используем, ни один не является столь ясным, как этот».

— А вон там, — сказал Онорий, — ты можешь увидеть якорь, символ надежды, благодаря которой христианин, хотя и носится в бушующей пучине жизни, держится своего небесного дома.

А это — петух, символ бдительности; как сказал наш Господь: *«Бодρствуйте и молитесь»*. А вот ягненок — прообраз невинности и кротости, а также напоминание нам об Агнце Божьем, Который понес наши грехи и Своей жертвой подарил нам вечную жизнь и прощение. А вот снова голубь, который, подобно ягненку, символизирует невинность; а вот он снова несет в своем клюве масличный лист мира.

Здесь ты видишь Альфу и Омегу, первую и последнюю буквы греческого алфавита, которые говорят о нашем Господе; ты уже знаешь о Его словах: *«Я Альфа и Омега»*. А вот венец, напоминающий нам о нетленном венце, который Господь, праведный Судья, даст нам.

Итак, мы любим окружать себя всем, что напоминает нам о радости, которая ждет нас в будущем. Поучаясь от этих символов, мы уже не обращаем внимания на этот подземный мрак, но верой смотрим на свет вечной славы.

— Вот, — сказал Марцелл, остановившись, — по моему, это можно отнести к моему состоянию. Это звучит пророчески. Возможно, и я буду призван, чтобы засвидетельствовать о Христе. Если так, то пусть я останусь верным до конца!

Во христе, во времена Императора Адриана, Марий, молодой офицер, проживший короткую жизнь, пролил свою кровь за Христа и почил в мире. Его друзья поставили эту надпись со слезами и с трепетом.

— Нас утешает Христос словами: *«В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»*, и, хотя Он предупреждает нас о зле, Он утешает нас Своим обещанием поддержки. В Нем мы можем найти благодать, достаточную для нас.

— Пусть этот молодой офицер будет для меня

примером, — сказал Марцелл. — Мне тоже, возможно, придется пролить свою кровь за Христа. Пусть же я умру с такой же верностью! Лежать среди своих братьев с подобной надписью будет для меня большей честью, чем в мавзолее Сицилии Метеллы.

После этого они продолжили свой путь.

— Как прекрасна, — сказал Марцелл, — смерть христианина! Ужас ей неведом. Для него она является блаженным сном, пока его дух пребывает с Господом, ожидая воскресения, и смерть, вместо того, чтобы вызывать обычный ужас, воспринимается им как победа и покой.

Место упокоения Элписа.

Здесь покоится Зотик.

Аселий, покоящийся во Христе.

Мартирия в мире.

Видалия в мире Христовом.

Ницефор, добрая душа, в месте покоя.

— Некоторые из надписей говорят нам о характере умерших братьев, — сказал Онорий. — Посмотри сюда:

Максим, проживший двадцать три года, друг всех людей.

Во Христе, в пятые календы ноября, упокоился Горгоний, друг всех, никому не враг.

— А вот еще некоторые, — продолжил он, — говорящие нам об их личной семейной жизни:

Сицилии Плагинде, жене, о которой сохранил чудесные воспоминания, с которой прожил десять

ЛЕТ БЕЗ ЕДИНОЙ ССОРЫ, ВО ХРИСТЕ ИИСУСЕ, СЫНЕ БОЖЬЕМ, СПАСИТЕЛЕ. СИЦИЛИЙ, МУЖ.

СВЯЩЕННАЯ ДЛЯ ХРИСТА, ВСЕВЫШНЕГО БОГА, ВИТАЛИЯ. СОЖЖЕНА В СУББОТУ, В КАЛЕНДЫ АВГУСТА, В ВОЗРАСТЕ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ И ВОСЬМИ МЕСЯЦЕВ. ПРОЖИЛА СО СВОИМ МУЖЕМ ДЕСЯТЬ ЛЕТ И ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ. ВО ХРИСТЕ, ПЕРВОМ И ПОСЛЕДНЕМ.

ДОМНИНЕ, МОЕЙ ДРАГОЦЕННОЙ И НЕВИННОЙ ЖЕНЕ, ПРОЖИВШЕЙ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ И ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА, БЫВШЕЙ МНЕ ЖЕНОЙ ДВА ГОДА, ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА И ДЕВЯТЬ ДНЕЙ, С КОТОРОЙ Я НЕ МОГ ЖИТЬ БОЛЕЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ ПО ПРИЧИНЕ МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ. ВСЕ ЭТИ МЕСЯЦЫ Я ВЫРАЖАЛ ЕЙ ВСЮ ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ БЫЛА ВО МНЕ. НИКТО НЕ ЛЮБИЛ ДРУГ ДРУГА СИЛЬНЕЕ НАС. ПОХОРОНЕНА В ПЯТНАДЦАТОЕ ЧИСЛО ПЕРЕД КАЛЕНДАМИ ИЮНЯ.

КЛАВДИЮ, ПОЧТЕННОМУ И НЕЖНОМУ, ЛЮБИВШЕМУ МЕНЯ. ОН ПРОЖИЛ ОКОЛО ДВАДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ ВО ХРИСТЕ.

— А вот признание любящего отца, — сказал Марцелл, читая следующую надпись:

СВОЕМУ ДРАГОЦЕННОМУ СЫНУ СЕВЕРУ, УНЕСЕННОМУ АНГЕЛАМИ НА СЕДЬМЫХ ИДАХ ЯНВАРЯ. ЛОРЕНС.

— А здесь слова жены:

ДОМИЦИЙ В МИРЕ, НАПИСАЛА ЭТО ЛЕЯ.

— Да, — сказал Онорий, — по вере в Иисуса Христа (или, твоими словами, благодаря «религии») верующий получает новое божественное естество через Духа Святого, Который также вселяет в него любовь Божью, изливающуюся на друзей и родственников. Однако ветхая природа Адама остается, она не исправляется, она не может быть исправлена.

Продолжая свой путь, они нашли много надгробных надписей, свидетельствовавших о нежной любви к умершим близких родственников:

Констанция, чудесной красоты и любезности, прожила восемнадцать лет, шесть месяцев и шестнадцать дней. Констанция в мире.

Симплиций, о котором у нас добрая память, живший в мире двадцать три года и сорок три дня. Его брат сделал эту надпись.

Адсертору, нашему сыну, дорогому, милому, невиннейшему и несравненному, прожившему семнадцать лет, шесть месяцев и восемь дней. Его отец и мать написали это.

Январию, милому и хорошему сыну, почитаемому и любимому всеми, который прожил двадцать три года, пять месяцев и двадцать два дня. Его родители.

Лориния, слаще меда, покоится в мире.

Святой душе, Инноцию, прожившему около трех лет.

Домициан, невинная душа, покоится в мире.

Прощай, Сабина. Прожила 8 лет, 8 месяцев и 22 дня. Покойся мирно в боге.

Во Христе: умер в календы сентября, невинный Помпей, прожив шесть лет, девять месяцев, восемь дней и четыре часа. Покоится в мире.

Своему достойному сыну, Калпурнию, его родители написали это: он прожил пять лет, восемь

МЕСЯЦЕВ И ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, ПОЧИВ В МИРЕ ТРИНАДЦАТОГО ИЮНЯ.

— К надгробной надписи этого ребенка, — сказал Марцелл, — они добавили символы мира и славы. Он указал на плиту с изображением голубя и лаврового венка рядом со следующей надписью:

РЕСПЕКТ, ПРОЖИВШИЙ ПЯТЬ ЛЕТ И ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ.
ПОКОИТСЯ В МИРЕ.

— А на этой, — продолжил Марцелл, — изображена пальмовая ветвь, символ победы.

— Да, — произнес Онорий, — Спаситель сказал: *«Пустите детей приходить ко мне»*.

Их внимание привлекли также надгробные надписи на могилах жен и членов семей христианских служителей:

Моя жена, Лаврентия, построила эту гробницу. Ее характер во всем дополнял мой, она была почтенной и верной. Наконец-то я могу унаследовать блаженство, которое она давно уже унаследовала. Епископ Лео, перешагнувший восьмой десяток.

Место для упокоения Василия пресвитера и его Фелиситы. Они построили его для себя.

Однажды Сюзанна была счастливой дочерью пресвитера Габина. Лежит здесь, соединившись со своим отцом в мире.

Клавдий Аттициан, Чтец, и Клавдия Фелициссима, его жена.

— Вон там, — сказал Марцелл, — я вижу могилу большого размера. Там похоронено два человека?

— Да, это «бисомум», и в нем находятся два человека. Прочитай надгробную надпись:

БИСОМУМ САБИНА. ПОСТРОЕНО ДЛЯ СЕБЯ ПРИ ЖИЗНИ
НА КЛАДБИЩЕ БАЛЬБИНЫ В НОВОМ СКЛЕПЕ.

— Иногда в одной могиле могут лежать три человека. В других местах ты, Марцелл, увидишь захоронения большого количества людей; когда ужесточаются гонения, сложно оказать каждому отдельному человеку то внимание, которое хотелось бы. Вон там есть табличка, отмечающая место захоронения многих мучеников, имена которых неизвестны, но чья память всегда будет благословенной, — продолжил Онорий, указав на плиту со следующей надписью:

МАРЦЕЛЛА И ПЯТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ МУЧЕНИКОВ
ХРИСТОВЫХ.

— А вот длинная надпись, — сказал Марцелл, — и вполне возможно, что эти слова отзовутся эхом в сердцах каждого из нас.

С глубоким волнением они прочитали следующее:

ВО ХРИСТЕ. АЛЕКСАНДР НЕ МЕРТВ, НО ЖИВЕТ ВЫШЕ ЗВЕЗД, И ЕГО ТЕЛО ПОКОИТСЯ В ЭТОЙ МОГИЛЕ. ОН ОКОНЧИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ АНТОНИНЕ ПИЕ, НЕ ВИДЕВШЕМ ПОЛЬЗЫ ОТ ЕГО СЛУЖЕНИЯ, ВОЗДАВШЕГО ЕМУ НЕНАВИСТЬЮ ВМЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ. ИБО, СТОЯ НА КОЛЕНЯХ В ГОТОВНОСТИ ПРИНЕСТИ ЖЕРТВУ ИСТИННОМУ БОГУ, ОН БЫЛ СХВАЧЕН И УВЕДЕН НА КАЗНЬ. О, ПЕЧАЛЬНОЕ ВРЕМЯ, В КОТОРОЕ МЫ НЕ МОГЛИ БЫТЬ В БЕЗОПАСНОСТИ ДАЖЕ В ПЕЩЕРАХ, СОВЕРШАЯ СЛУЖЕНИЕ И МОЛЯСЬ. НЕТ ЖИЗНИ И СМЕРТИ БОЛЕЕ ЖАЛКОЙ, ЧЕМ ЭТА, КОГДА ТЕЛО УМЕРШЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОХОРОНЕНО ЕГО ДРУЗЬЯМИ И РОДСТВЕННИКАМИ! В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОНИ ЗАСВЕРКАЮТ В НЕБЕСАХ. ЕГО ЖИЗНЬ БЫЛА КОРОТКОЙ, КАК И ЖИЗНЬ КАЖДОГО ХРИСТИАНИНА В ЭТО ВРЕМЯ.

— Здесь, — сказал Онорий, — упокоился возлюбленный брат, память о котором до сих пор живет в церквах. Возле этой могилы мы проводим Агапе⁵ в день его рождения. На этой вечере стираются все границы между сословиями и званиями, родами и племенами, языками и народами. Все мы являемся братьями во Христе Иисусе, ибо помним, что, как Христос возлюбил нас, так и мы должны любить друг друга.

Марцелл имел возможность встретиться с мужчинами, женщинами и детьми разных сословий и возрастов. Он сам лично убедился в присутствии той братской любви между ними, о которой рассказывал Онорий. Мужчины, занимавшие самые высокие должности в Риме, теперь стали близкими друзьями людям, положение которых было едва выше положения рабов; жестокие и безжалостные гонители в прошлом, теперь любовно общались с теми, кого раньше ненавидели. Иудейский священник, освобожденный от ига закона, который он не в состоянии был исполнить и который являлся для него служением *смертоносным буквам*, ходил рука об руку с ранее ненавистным ему язычником. У грека юродство Евангелия на глазах превратилось в безграничную мудрость, и презрение к последователям Иисуса, ранее наполнявшее его сердце, преобразовалось в нежную привязанность. Эгоизм и амбиции, надменность и зависть — все человеческие пороки, казалось, навсегда ушли перед наступлением всемогущей христианской любви. В их сердцах во всей полноте обитала вера в Христа, и некоторые стороны ее блаженного влияния проявлялись здесь больше, чем это могло бы быть при любых других обстоятельствах. И это происходило не потому, что Бог изменил природу и силу их веры ради них же самих; именно благодаря всеобщим гонениям и трудностям лишившим их земного имущества, мирских искушений и амбиций, в их сердцах, переполненных любовью Христа,

⁵ Вечеря любви, т.е. Вечера Господня.

проявилось великое сострадание друг ко другу, сблизившее их между собой.

— Поклонение истинному Богу, — сказал Онорий, — отличается от всякого ложного поклонения. Язычник, входящий в свой храм, чтобы через посредничество грешного жреца каждый раз приносить жертвоприношения демонам, никогда не избавится от своих грехов. Но ради нас Христос раз и навсегда отдал Самого Себя, безгрешного, в жертву Богу за наши грехи. Каждый его последователь теперь может приходить к Богу через Христа, блаженного Первосвященника на небесах, так как каждый верующий через Иисуса становится царем и священником перед Богом. Поэтому для нас нет никакой разницы, будем ли мы поклоняться в наших молитвенных домах, или же будем изгнаны из них по всему лицу земли. Небеса — престол Божий, и Вселенная — Его храм, поэтому каждое Божье дитя может возносить свой голос в любом месте и в любое время для поклонения Отцу.

Путешествие Марцелла затянулось. Он готов был увидеть множество туннелей, однако когда понял, сколько их на самом деле, пришел в замешательство. Он слышал лишь половину о том, что увидел; и, хотя он прошел достаточно длинный путь, ему сообщили, что увиденное им — лишь малая часть огромного целого.

Средняя высота туннелей находилась в пределах двух с половиной метров, но во многих местах она соответствовала четырем и даже пяти метрам. Многочисленные помещения, образованные благодаря расширенным сводам, были наиболее подходящим местом для их обитателей, так как позволяли свободно в них жить и собираться для служений. В некоторых местах в потолке были узкие отверстия, через которые в подземелье проникали слабые лучи солнца, доставляя неописуемую радость и хоть немного разгоняя беспросветную тьму. Однако в этих местах верующие только собирались, но не жили.

Марцелл заметил, что кое-где туннель перекрыт; тропинки, отходящие в стороны, а затем соединяющиеся в одну, позволяли обойти препятствие.

— Что это за препятствие? — спросил он.

— Это римская гробница, — сказал Онорий. — Рабочие наткнулись на нее прокапывая туннель; они оградили гробницу стеной, устроив обходные пути. Они сделали не из-за страха потревожить умершего, но потому, что в смерти, как и в жизни, христианин желает поступать по заповеди Господней — *«выйдите из среды их и отделитесь»*.

— Вокруг нас свирепствует гонение, заставляя искать убежища, — сказал Марцелл. — Как долго еще народ Божий будет в рассеянии, как долго еще враг будет тревожить нас?

— Многие из нас подобным образом взывают к Господу, — ответил Онорий, — но недовольство является грехом. Господь был добр к Своему народу. По всей империи Его народ, поколение за поколением, был защищен законами и пребывал в покое. Конечно, бывали и суровые гонения, когда тысячи людей умирали в ужасных муках, но гонения прекращались, и церковь снова обретала покой.

Все гонения, которым мы подвергались, лишь очищали сердца народа Божьего, возвышая его веру. Он знает, что для нас лучше. Мы находимся в Его руках, и Он не даст нам больше, чем мы можем вынести. Будем же бодрствовать, трезвиться и молиться, о Марцелл, потому что бушующая вокруг нас буря говорит, что *«день Господень, великий и страшный»*, о котором было возвещено миру еще с давних времен, приближается.

Так ходил Марцелл с Онорием не один час, узнавая из бесед об учении Слова Божьего и о том, что пережил Его народ. Любовь народа Божьего, его чистота, стойкость, вера, глубоко тронули его душу.

То, что он испытывал, не было преходящим. Каждое

новое открытие лишь укрепляло его желание присоединиться к вере и судьбе народа Божьего. Таким образом, до наступления следующего дня Господнего он был крещен в смерть Христову во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Утром в день Господень он вместе с остальными христианами участвовал в Трапезе Господней. Они совершили эту простую и трогательную вечерю воспоминания о Господе, возвещая смерть Господню, доколе Он придет. Онорий совершил молитву благодарения за пищу. Марцелл впервые в жизни принял участие в хлебе и вине — священных символах тела и крови распятого Господа.

«И, воспев, пошли...».

Глава VII

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

*«Да и все, желающие жить благочестиво
во Христе Иисусе, будут гонимы»*

Прошло четыре дня с тех пор, как молодой воин оставил свою комнату. Это были дни, богатые событиями и крайне важные для него. Решалась его вечная судьба. И поиски истины его искренней душой не оказались напрасными, ибо он родился свыше от Святого Духа.

Перед ним предстал выбор. С одной стороны — слава, честь и богатство; с другой — бедность, нужда и скорбь; но он принял решение, избрав последнее без единого колебания. Он *«лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение»*.

По возвращении в лагерь он пришел к главнокомандующему и сообщил, что был среди христиан, но не может выполнить порученное ему задание и готов принять любое наказание. Главнокомандующий приказал ему идти в свою казарму.

Его глубокие размышления и предположения, чем все это может закончиться, были прерваны появлением Луцулла. Друг приветствовал его с любовью, но было видно, что он встревожен.

— Я только что был у главнокомандующего, — сказал Луцулл. — Он вызвал меня и послал передать тебе от него сообщение. Но сначала расскажи мне, что ты натворил?

Марцелл рассказал обо всем, что произошло с ним, не утаив ничего. Его глубокая искренность доказывала, насколько сильной и глубокой... была работа Духа в нем. Затем он поведал о разговоре с главнокомандующим.

— Направляясь к нему, я осознавал всю серьезность шага, который сделал. Я фактически собирался совершить измену, безусловно, наказуемую смертью. Однако я не мог поступить иначе.

Он любезно принял меня, предполагая, что я достиг больших успехов в моих поисках. Я рассказал ему, что находился среди христиан, и то, что я увидел, изменило мое отношение к ним. Я полагал, что они являются врагами империи и достойны смерти, однако обнаружил, что в действительности они — верные подданные императора и добродетельные люди. Я сказал, что не могу поднять на них свой меч, и вместо этого откажусь от своей должности.

«Чувства солдата, — заметил он, — не должны препятствовать ему выполнять свои обязанности».

— Но моя обязанность перед Богом, который создал меня, сильнее всех обязанностей перед людьми.

— Твоя симпатия к христианам затмила твой разум, — сказал он. — Разве ты не понимаешь, что это называется изменой?

Я, склонив голову, заявил, что готов принять наказание.

— Безрассудный юноша! — строго воскликнул он. — Отправляйся в свою казарму, и я сообщу тебе о своем решении. Поэтому я сразу же пришел сюда и, оставаясь здесь, ожидаю своего приговора.

Луцулл без единого слова и даже движения выслушал рассказ Марцелла. Только грустное удивление на

лице выдавало его чувства. Когда Марцелл закончил, он печальным голосом сказал:

— Ты, конечно, не хуже меня знаешь, что это может быть за наказание. Римская дисциплина даже в мирное время очень строга, но сейчас настроение правителей в отношении христиан накалено до предела. Если ты останешься тверд в своих убеждениях, ты умрешь.

— Я уже уведомил тебе о причинах, из-за которых принял это решение.

— Марцелл, я знаю тебя как честного и искреннего человека. Ты всегда был набожным. Ты восхищался возвышенными учениями философии. Разве ты не можешь по-прежнему находить в них удовлетворения? Что может привлекать тебя в учении несчастного распятого иудея?

— Я никогда не находил удовлетворения в философии, о которой ты говоришь. Ты сам знаешь, что в ней нет ничего определенного, в чем душа может быть полностью уверена. Но христианство является истиной от Бога, которую принес Он Сам, освятив ее Своей смертью.

— Ты только что рассказал мне подробно об учении христиан. И я должен признаться, что твой вдохновенный рассказ представил его достаточно привлекательным. Если бы все его последователи были такими, как ты, дорогой Марцелл, и, кроме того, если бы все стали христианами, то это принесло бы миру благо. Но я пришел сюда не спорить о религии, а поговорить о тебе. Тебе угрожает опасность, дорогой друг; твое положение, твоя честь, твоя служба, даже твоя жизнь висят на волоске. Подумай, что ты совершил. Тебе было доверено важное поручение, на выполнение которого ты и отправился. Ожидалось, что ты вернешься с важными новостями. Но ты, вернувшись, сообщаем главнокомандующему, что перешел на сторону врага, приняв в своем сердце их убеждения, и что ты теперь отказываешься обнажить свой меч против них. Если

солдат будет волен выбирать, с кем сражаться, что станет с дисциплиной? Он должен выполнять приказы. Разве я не прав?

— Ты прав, Луцулл.

— Ты должен учесть, что перед тобой не стоит вопрос о выборе между философией или христианством, ты должен решить — будешь ты христианином или солдатом. Потому что в наши дни, как ты сам это видишь, невозможно быть солдатом и христианином одновременно. Ты должен отказаться от чего-то одного. И если ты выберешь быть христианином, ты должен будешь сразу же разделить их участь, ибо к тебе не может быть проявлена особая благосклонность. Но если ты захочешь остаться солдатом, тебе придется пойти против христиан.

— Да, именно в этом и вопрос.

— У тебя есть близкие друзья, которые простят этот серьезный проступок, Марцелл. Зная твою увлекающуюся натуру, я обратился с просьбой к главнокомандующему. Он уважает тебя за воинские качества. Он готов простить тебя при определенных условиях.

— Каких?

— Самых, что ни на есть, милосердных. Забудь прошедшие четыре дня; выбрось их из своей памяти. Приступай к исполнению полученного тобой ранее приказа. Возьми солдат и выполняй свои обязанности — начинай аресты христиан.

— Луцулл, — произнес Марцелл, поднявшись и скрестив на груди руки, — я люблю тебя как друга. Я благодарен за твою верную привязанность. Я никогда ее не забуду. Но я имею нечто, чего ты не понимаешь, и оно сильнее всех почестей империи. Это любовь Божья. Ради нее я готов отказаться от всего: славы, положения и даже самой жизни. Мое решение окончательное. Я христианин.

Несколько мгновений Луцулл сидел в изумлении и печали, устремив взор на друга. Он хорошо знал его

решительную натуру, и с болью чувствовал, что потерпел полную неудачу. Наконец он снова заговорил. Он использовал все доводы, приводил мотивы, которые могли хоть как-то повлиять на него. Он рассказал ему об ужасной участи, ожидавшей его, и об особых методах пыток, которые будут применены по отношению к нему; но все его доводы были лишь пустым звуком. В конце концов, он встал в полном отчаянии.

— Марцелл, — сказал он, — ты испытываешь судьбу. Ты бездумно мчишься к ужасному концу. Все, что может принести удача, лежит у твоих ног, но ты отказываешься от нее, желая разделить участь несчастных изгоев. Я исполнил долг друга, пытаюсь отвернуть тебя от безрассудства, но все мои усилия напрасны.

Я принес тебе приговор главнокомандующего. Ты разжалован и лишен должности. Ты попадаешь под арест как христианин. Завтра ты будешь схвачен и передан в руки палача. Но до того времени у тебя есть еще шанс убежать. Я воспользуюсь предоставленной мне возможностью и посодействую твоему побегу. Убегай сразу же! Спешу, ты не можешь терять ни минуты. Есть только одно место в мире, где ты можешь укрыться от мести Цезаря.

Марцелл слушал, не говоря ни слова. Он медленно положил на пол свое блестящее оружие и с грустью расстегнул великолепные доспехи, которые носил с такой гордостью. На нем осталась лишь простая туника, в которой он предстал перед своим другом.

— Луцулл, я хочу еще раз повторить, что я никогда не забуду твоей верной дружбы. О, если бы мы могли убежать вместе, о, если бы наши молитвы вместе возносились к Тому, Которому я сейчас служу. Но довольно; я пошел. Прощай!

— Прощай, Марцелл. Возможно, мы никогда больше не встретимся в этой жизни. Если ты когда-либо будешь в нужде или опасности, знай, что ты можешь на меня положиться.

Они обняли друг друга, и Марцелл поспешно отправился в путь.

Выйдя из лагеря, он направился к Форуму. Со всех сторон его окружали величественные мраморные храмы, колонны и памятники. Над Via Sacra (Священной улицей) возвышалась арка Тита; поражал размерами архитектурой и резьбой великолепный императорский дворец из драгоценного мрамора, сияющий золотом. С другой стороны возвышались стены Колизея; дальше был виден колоссальный купол Храма Мира; еще с одной стороны поднимался Капитолийский холм увенчанный группой грандиозных храмов, рельефы выступавших на фоне голубого неба.

В этом направлении он и пошел, поднявшись по крутому склону на вершину холма. С вершины холма он осмотрел открывшуюся перед ним панораму. Само место представляло собой площадь больших размеров вымощенную мрамором, с храмами, надменно возвышавшимися вокруг нее. Рядом находилось *Campus Martius* (Марсово поле), простирающееся вдоль реки Тибр, русло которой лентой извивалось аж до Средиземного моря, неся желтые потоки вод. На то время самый большой город мира — Рим, стесненный городскими стенами, уже вырвался за их пределы, направляя лучи улиц далеко от стен города. Храмы, колонны и монументы возносили ввысь свои величественные верхушки. Множество статуй украшали улицы и фонтаны, брызги воды от которых переливались на солнце всеми цветами радуги; колесницы ездили по улицам; маршировали гордые легионеры; одним словом — в имперском городе бушевала жизнь.

Еще дальше простиралась равнина, усеянная бесчисленными деревушками, домами и дворцами, богатыми буйной зеленью, место мира и достатка. С одной стороны поднимался голубой контур Апеннин, верхний край которых был покрыт снегом; с другой — темные волны Средиземного моря омывали отдаленный берег.

Неожиданно Марцелл вздрогнул от крика. Обернувшись, он увидел пожилого изнуренного мужчину в бедном одеянии, который, яростно жестикулируя, выкрикивал страшные обличения. Дикое поведение и лихорадочный взгляд свидетельствовали, что он сумасшедший.

«Пал, пал Вавилон...

Сделался жилищем бесов

И пристанищем всякому нечистому духу,

*Пристанищем всякой нечистой и отвратительной
птице*

* * *

Бог вспомянул неправды ее.

Воздайте ей так, как и она воздала вам,

И вдвое воздайте ей по делам ее...

Сколько славилась она и роскошествовала...

За то в один день придут на нее казни,

Смерть и плач и голод,

И будет сожжена огнем,

Потому что силен Господь Бог, судящий ее.

И восплачут и возрыдают о ней

Цари земные...

Когда увидят дым от пожара ее,

Стоя издали от страха мучений ее

И говоря: горе, горе тебе, великий город Вавилон,

Город крепкий!

Ибо в один час пришел суд твой.

И купцы земные

Станут вдали от страха мучений ее,

Плача и рыдая

И говоря: горе, горе тебе, великий город,

Одетый в виссон и порфиру и багряницу,

*Украшенный золотом и камнями драгоценными и
жемчугом,*

Ибо в один час погибло такое богатство!

И все кормчие, и все плывущие на кораблях,

*И все корабельщики, и все торгующие на море
Стали вдали и, видя дым от пожара ее, возопили,
говоря:*

*Какой город подобен городу великому!
И посыпали пеплом головы свои,
И вопили, плача и рыдая:
Горе, горе тебе, город великий,
Драгоценностями которого обогатились все,
имеющие корабли на море,
Ибо опустел в один час!
Веселись о сем, небо
И святые апостолы и пророки;
Ибо совершил Бог суд ваш над ним».*

Большая толпа людей собралась вокруг него изумлению, однако он, едва успев закончить свою речь, был уведен подошедшими вскоре воинами.

— Вероятно, это был какой-то бедный христианин, чей ум помрачен страданиями, — подумал Марцел. Когда человека уводили, он продолжал выкрикивать свои ужасные обличения, а толпа людей кричал презрительно смеясь ему в след. Вскоре, отдалившись, шум толпы затих.

— Нельзя терять ни минуты; я должен идти, сказал себе Марцелл, повернув в другую сторону.

Глава VIII

ЖИЗНЬ В КАТАКОМБАХ

*О, тьма, тьма, тьма в сиянье полдня,
Беспросветная тьма, полное затмение,
Без малейшей надежды дня!*

По возвращении в катакомбы его приняли там со слезами радости. С особым вниманием люди выслушали его рассказ о беседе с главнокомандующим, и, сочувствуя ему, все же радовались, что он удостоился пострадать за Христа.

Живя в катакомбах и ежедневно познавая истину, он видел, через какие испытания приходится проходить ее последователям. Жизнь в катакомбах открылась перед ним во всем ее удивительном разнообразии.

Огромное множество людей, живших под землей, добывали провизию в находившемся над ними городе. Делали они это ночью. В этом опасном занятии добровольно участвовали наиболее решительные и смелые мужчины. Иногда на эти задания выходили женщины и даже мальчишки; Поллио был одним из самых ловких мальчишек. В многолюдном Риме не составляло

большого труда остаться незамеченным, благодаря чему провизию добывали довольно успешно. Однако иногда подобные вылазки заканчивались печально, и смелые их участники никогда больше не возвращались обратно.

Воды было предостаточно в туннелях самого нижнего яруса. Вырытые там колодцы, а также родники удовлетворяли все потребности жителей катакомб.

Людам также приходилось оставлять подземелье ночью, чтобы найти мертвых, разорванных дикими зверями или сожженных на костре. Останки любимых людей доставляли в подземелье с величайшим риском для жизни, пронося через тысячи опасностей. Затем друзья умерших проводили погребальное служение и прощальный обед. После чего останки помещались в узкую нишу и закрывались мраморной плитой с выгравированным именем умершего.

Древние христиане, вдохновленные славным учением о воскресении, с горячей надеждой ожидали момента, когда тленное тело облечется в нетленное, а смерть — в бессмертие. Они не хотели, чтобы тело умершего, которое ожидала столь возвышенная участь, превращалось в пепел, и считали даже кремацию тела, являвшегося храмом Божиим, оскорблением для Него. По этой причине тела умерших приносились сюда, подальше от глаз человеческих, где никакая нечестивая рука не могла уже потревожить торжественный покой их последнего сна до гласа трубы, на который Ранняя Церковь так горячо надеялась в ежедневном ожидании. В самом городе число христиан с каждым поколением все более увеличивалось, и все это время умерших приносили сюда, так что ко времени описываемых событий катакомбы превратились в огромный город мертвых, чье молчаливое население мирно спало во многих рядах ниш в длинных туннелях, ожидая призыва Господня, который соберет омытый Его кровью народ, *вдруг, во мгновение ока* на встречу с Ним в воздухе.

Во многих местах были выбиты арки и подняты

потолки, образуя помещения. Ни одно из них не было большого размера, но все они служили местом, где беженцы могли, встречаясь большими группами, дышать более свободно. Здесь они находились большую часть своего времени, проводя в них также служения.

Чтобы понять положение живущих в катакомбах, необходимо остановиться на развитии общества того исторического периода, в который это происходило. Нравственность былой Римской республики пала; свобода навсегда покинула империю. Повсеместно распространились моральное разложение и продажность, оказывая на всех пагубное влияние. Заговоры, восстания, измены и набеги опустошали империю, но морально павший народ оставался в молчании. Люди наблюдали, как самые смелые из них страдали, самые благородные умирали, однако не предпринимали никаких действий. Такие человеческие качества, как великодушие и самоотверженность были полностью подавлены. Людьми руководили лишь самые низменные чувства.

Именно в такую страну смело вошла истина Христова; и такими были враги и препятствия, которые ей приходилось преодолевать, чтобы обеспечить себе медленный, но уверенный рост. Все, ставшие под знамя этой истины, лишили себя легкой жизни. Ее труба издавала уверенный клич. Борьба была жестокой, часто требующая пожертвовать именем, славой, богатством, друзьями и жизнью — всем, что так дорого человеку. Шло время. Число последователей Истины возрастало, но вместе с ними умножилась сила и враждебность зла; люди погрязли в еще большем разврате, а империя все больше приближалась к разрушению.

Затем начались эти ужасные гонения, целью которых было — окончательное и повсеместное уничтожение христианства. Ужасные испытания ожидали христианина, не пожелавшего подчиниться указу императора; для тех, кто последовал за Истиной, Ее

повеление было однозначным — после принятия решения обратной дороги уже не было. Став христианином, человек тем самым часто подписывал себе мгновенный смертный приговор, или, в лучшем случае, обеспечивал себе изгнание из города, лишение радости дома и света дня.

Сердца римлян закалились, а глаза были ослеплены. Ни детская невинность, ни женская чистота, ни мужское благородство, ни седина на голове, ни непоколебимость веры, ни победа любви над смертью не могли коснуться их, вызвав чувство сожаления. Они не замечали черной тучи опустошения, нависшей над обреченной империей, и не знали, что лишь те, кого они преследовали, могли избавить их от ее ярости.

И все же, в это ужасное время катакомбы являлись для христиан городом-убежищем. Здесь покоились их отцы, сражавшиеся из поколения в поколение за истину, и их истощенные тела ожидали призыва к воскресению. Сюда они приносили своих родственников, один за другим оставлявших их и устремлявшихся в небеса. Сын принес сюда тело престарелой матери, а отец предал могиле сына. Сюда приносили останки христиан, разорванных на куски дикими зверями на арене, обугленные трупы преданных огню, изнуренные тела умерших мученической смертью через распятие на кресте. Каждый христианин имел здесь не одного мертвого друга или родственника. Даже земля и воздух здесь были священными. Неудивительно, что они пришли именно сюда, в это подземное царство, найдя в нем единственное убежище от бушевавших гонений. Более того, они не могли отправиться в другие страны, потому что для них не существовало страны-убежища; ни одна из заморских стран не давала им и капли надежды. Имперская власть Рима захватила весь цивилизованный мир в свою крепкую руку; система римской полиции жестко контролировала всю территорию, и никто не мог избежать ее гнева. Настолько

непреодолимой была эта сила, что от самого знатного до самого униженного — все были ей подвластны. Низложенный император не мог скрыться от ее мести, даже о надежде на побег не могло быть и речи. Когда Нерон был низложен, все, что он мог сделать — пойти и покончить с собой в расположенном рядом дворце. Но здесь, в этой бесчисленной сети лабиринтов, даже власть Рима не имела силы, а ее озадаченные стражи со страхом поворачивали обратно у самого входа.

В этих туннелях и пещерах и находило убежище огромное количество гонимых христиан. Днем они собирались, чтобы поделиться словами утешения и ободрения или оплакать смерть очередного мученика; ночью, чтобы направить самых смелых... разведать ситуацию во внешнем мире или доставить окровавленные тела новых жертв. Во время различных гонений они находили здесь столь надежное пристанище, что, несмотря на миллионы погибших по всей империи, сила христианства в Риме почти не пошатнулась за все это время.

Их безопасность была обеспечена и жизнь сохранена, но какой ценой? Что такое жизнь без света, или о какой физической безопасности может идти речь, когда окружающий мрак подавляет душу? Сама мысль о такой судьбе противна природе человека, и всякий, попавший в подобные обстоятельства, сразу же чувствует недостаток обновляющей силы, находящейся лишь в солнечном свете. Из-за того, что не восполняется необходимая энергия, одна за другой ослабевают функции органов тела, снижается общий тонус организма. Подобное ослабление влияет на разум, предрасполагая человека к страху, сомнениям и отчаянью. Люди, сумевшие остаться верным и стойким в подобных обстоятельствах, заслуживают большего восхищения, чем героически умершие на арене или мужественно погибшие в пламени огня. Здесь, в заточении, где все окутал глубочайший мрак, они встречаются

с самыми суровыми испытаниями. Стойкость во время гонений — превосходное качество, но подобная стойкость, сопровождающаяся еще и подобными ужасами, является примером наивысшего мужества.

По лабиринтам гуляли сквозняки, переохлаждавшие тела, но не приносившие свежего воздуха с поверхности; пол, стены и потолки были покрыты серым налетом плесневых грибков, активно развивавшихся в сырости — постоянном спутнике подземелья; атмосфера была наполнена ядовитыми испарениями от нечистот; постоянно горящие факелы, хотя частично и уничтожали ядовитые газы, все же сжигали кислород, подавляя жителей катакомб своим ослепительным и удушливым воздействием. И все же, посреди всех этих ужасов душа мученика оставалась непоколебимой. Оживотворенный дух пережившего это человека, поднимался до грандиозных высот, которые были недоступны ни одному из людей в лучшие дни старой Республики. Стойкость Регула, преданность Куртия, верность Брута превзошли не только сильные мужчины, но и нежные девы и слабые дети. Поэтому, невзирая на жесточайшие гонения, эти благочестивые, чистые сердцем, смелые и благородные люди шли вперед. Они не боялись смерти и той ужасной жизни, которая их ожидала в угнетающем царстве мертвых — в катакомбах. Зная, что их ожидает, — они принимали это без ропота. Они спустились сюда добровольно, принеся с собой все самое драгоценное для души человека и пройдя через все испытания ради великой любви, которой они сами были возлюблены.

Повсюду были видны следы усилий, направленных, чтобы уменьшить окружавший их мрак. В некоторых местах на стенах по белой штукатурке были нанесены рисунки с изображениями усопших, не с целью их обожествления и поклонения, но чтобы напомнить о тех великих древних героях истины, которые *«верою побеждали царства, творили правду, получали обетования,*

заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр. 11:33, 34). Если в часы горьких страданий они и искали то, что может успокоить их души и наполнить новой силой для будущего, они не могли найти лучших картин, чем эти, — сильные для ободрения, великие для утешения.

Единственным предметом мебели, украшавшим предназначенные для собраний комнаты, был простой деревянный стол, на который клали хлеб и ставили вино для вечери Господней, символизировавшие тело и кровь распятого Господа.

Христианство вело долгую борьбу с отступничеством. Поэтому нас не должно удивлять, что из-за близкого контакта с врагом на церкви все же отразились следы этой борьбы с отступничеством, которые она и принесла в место своего убежища. И хотя церковь и имела некоторые отличия от раннеапостольской, они были настолько незначительными, что на них можно было бы вообще не обращать внимания, если бы они не повлекли за собой более значительные расхождения. Однако все основополагающие доктрины христианства не были ни засорены, ни изменены. Вина человека, милость Отца, искупление Сына, пребывание Духа Святого в верующем, спасение по вере в Исккупителя, цена Его драгоценной крови, Его телесное воскресение, блаженная надежда Его возвращения — этих фундаментальных истин христиане придерживались и любили с ревностью, которую невозможно описать словами.

Они обладали небесной надеждой, якорем для души, столь сильным и надежным, что никакая буря императорского гнева не могла сдвинуть их с Вечной Скалы, на которой они нашли убежище.

Они обладали возвышенной верой, поддерживавшей их в самых суровых испытаниях. Прославленный Муж, сидящий одесную Бога, был их верой и надеждой. Вера

в Него была для них всем. Она была дыханием их жизни, столь реальным, что поддерживала их во времена жесточайших страданий, и столь устойчивым, что даже когда, казалось, все последователи Христа были стерты с лица земли, они продолжали верить, ожидая Его прихода.

Они обладали любовью, которую Христос, будучи на земле, охарактеризовал как ту, что включает в себя закон и пророков. Раскольнические споры, неприязнь между деноминациями были им неведомы. У них был общий беспощадный враг; как они могли еще спорить друг с другом? В них пребывала любовь к человеку, независимо от его принадлежности к расе, классу, так что любой из них мог положить свою жизнь за брата; любовь Божья, излитая в их сердца Духом Святым, не остановилась бы даже перед жертвованием собственной жизнью. Гонения, бушевавшие вокруг, укрепляли в них рвение, веру и любовь, столь ярко сияющие среди их темного века. Гонения стали проверкой всех на искренность. Они отвращали от лицемерия. Они наполняли смелых высочайшим героизмом и вдохновляли малодушных смелостью посвящения. Они жили во времена, когда стать христианином — означало рисковать своей жизнью. Они не отступили, но, смело провозглашая свою веру, были готовы за нее пострадать. Проведя четкое разграничение между собой и миром, они мужественно стояли на своем. Они могли сохранить свою жизнь, произнеся всего лишь несколько слов и совершив простой обряд, однако они не могли вымолвить слова, которые нужно было расценить как идолопоклонство, а упрямая рука не желала совершить возлияние⁶. Они понимали основополагающие доктрины христианства не одним разумом, ибо Христос был для них не идеей, мыслью, но реально существующей Личностью. Жизнь

⁶ У некоторых древних народов возлиянием был акт принесения вина в жертву богам.

Иисуса на земле была для них живой истиной. Они принимали ее как достойный пример для каждого человека. Его доброта, смирение, терпение и кротость, по их мнению, были проявлены для подражания; они также никогда не отделяли идеалы христианской жизни от практики. Они считали, что вера человека должна не только быть в сердце, но и проявляться в жизни. Для них смерть Христа являлась величайшим событием, по сравнению с которым все остальное было второстепенным. Никто не мог понять лучше их, что Он действительно умер за сынов человеческих. Божественной истиной для них являлись Его воскресение и пребывание одесную Бога, а также данная Ему *всякая власть на небе и на земле*. Каждый мог вспомнить многих из своих братьев, распятых на кресте за веру или сожженных на костре ради своего Бога. Они брали свой крест и следовали за Христом, неся Его поругание. Крест этот и поругание не являлись образными. Представьте эти мрачные лабиринты, подходящие лишь для захоронений умерших, но, тем не менее, в них на протяжении многих лет находили убежище живые люди. Обратите внимание на имена мучеников, на слова победы. Стены донесли до следующих веков слова скорби, плача и многих других чувств, высеченных на них за многие годы теми, кто был загнан сюда, в катакомбы. Они передали грустную историю будущим поколениям и помогли представить облик, чувства и дела тех, кто был заключен в них. Громкий голос, исходивший из самой глубины души мученика, словно печать был закреплен на стене.

Смиренные свидетели истины, бедные, презренные, оставленные, взывали о милости, но их вопль подобно пустому звуку не доходил до ушей народа; их крики заглушал поток крови убиенных и дым от костров все новых и новых жертв! В отличие от народа, ответившего на вопль отчаянья лишь новыми пытками, эти каменные стены проявили к ним милосердие — они

услышали их вздохи, они приняли их в свои недра, навсегда запечатлев на этих камнях их вопли страдания.

Обращение Марцелла в христианство произошло внезапно. Столь быстрый переход от заблуждения к истине не был редкостным событием. Он испробовал наивысшие формы языческих суеверий и античной философии, но не нашел в них удовлетворения, и как только христианство предстало перед ним, он увидел в нем то, что так долго жаждал найти. В нем было все необходимое, чтобы утолить жажду его души и наполнить его пустое сердце миром. И хотя переход этот произошел очень быстро, он отнюдь не был поверхностным. Обретя зрение и увидев свет Солнца Праведности, он больше не мог закрыть глаза. Его возрождение было от Бога и, следовательно, оно было основательным, поэтому он с радостью разделил страдания гонимых.

Подобные обращения к Богу были очень часты в Ранней Церкви. Множество душ среди язычников чувствовали то же, что и Марцелл, и прошли через подобные переживания. Все, что было необходимо, — это проповедь истины при содействии Духа Святого, чтобы открыть их глаза и привести их к свету. В этой проповеди, совершавшейся в союзе с божественным влиянием на человеческий ум, — причина столь быстрого распространения христианства.

Живя и общаясь с новыми братьями, Марцелл скоро и сам начал жить их надеждами, страхами и радостями. Их вера и доверие передавались и его сердцу, и все чудесные ожидания, поддерживавшие их, стали утешением и для его души. Блаженное Слово жизни стало предметом его постоянного изучения и наслаждения, и все Его учения нашли в нем горячего последователя.

Собрания для молитвы и прославления часто проходили по всем катакомбам. Будучи оторванными от обычных земных дел, они полностью посвятили себя

более возвышенным целям. Лишенные возможности заботиться о своем теле, они были вынуждены сделать основным своим занятием попечение о душе. Они получили то, к чему стремились. Мир со всеми заботами, искушениями и тысячами приманок потерял свою власть над ними. Небеса стали ближе; их мысли и беседы были направлены на Царство. Они любили говорить о радости, которая ожидает тех, кто останется верным до смерти; вспоминать умерших братьев, которые для них не были потерянными, но ушедшими раньше их; предвкушать момент собственного ухода. Более же всего они ежедневно ожидали великого последнего зова, который воскресит умерших, преобразит живущих и приведет искупленный и омытый Его кровью народ к Нему на встречу в воздухе; а также судилища Христова, где Он раздаст награды за верное служение (1 Фес. 4:13-18; Флп. 3:20, 21; 1 Кор. 3).

Итак, Марцелл смотрел на эти мрачные пещеры не как на место тихого сна усопших, но как на пристанище тысяч живых людей. Изнуренные, бледные и угнетенные, они среди этой темноты находили лучшую для себя судьбу, чем ждущая их наверху. Здесь, в царстве мертвых, кипела оживленная жизнь, наполняя эхом человеческих голосов туннели. Свет истины и благочестия, изгнанный с поверхности земли, загорелся еще ярче здесь, в подземном царстве тьмы. Нежные приветствия дружбы, родства и любви возносились над останками усопших. Слезы печали смешались с кровью мученика, и руки с любовью заворачивали его останки в пелены. Здесь, среди этих пещер, душа героически возносилась над горем. Надежда и вера улыбались с ликованием, указывая на свет Звезды светлой и утренней, и слова хвалы исходили из уст скорбящего.

Глава IX

ГОНЕНИЯ

«Терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное».

Гонения разразились с еще большей яростью. На протяжении нескольких недель после того, как Марцелл поселился здесь, к ним присоединилось множество людей, искавших убежища. Никогда еще в прошлом здесь не находилось столько беженцев. Раньше в большинстве случаев власти пытались схватить только служителей и других видных христиан, из-за чего именно они обычно составляли население катакомб. Нынешние же гонения были жесточайшими, ибо подобные в прошлом наблюдались лишь при нескольких императорах. Сейчас же положение верующего не имело никакого значения. Всех подряд, от новообращенного до самого почтенного учителя, вели на смерть.

До сих пор связь с городом была достаточно легкой, так как бедные христиане с поверхности никогда не забывали о тех, кто был под ними, а также об их нуждах. Они с готовностью обеспечивали продовольствием и всем необходимым жителей катакомб. Но сейчас те, от кого беглецы получали помощь, сами оказались изгнанными, разделив с ними ту же участь и став вместо дающих получающими милостыню.

И все же ситуация не была полностью безнадежной. В Риме оставалось еще много тех, кто любил их и

помогал им, хотя сами они и не были христианами. Всякий раз, когда возникает большое движение, можно найти огромное число людей, занимающих нейтральную позицию. Такие люди неизменно становятся на более сильную сторону, стараясь в случае опасности любой ценой избежать ее. Такими были многие римляне. У них были среди христиан друзья и родственники, которых они любили и которым сострадали. Они всегда были готовы помочь им, но слишком большая обеспокоенность собственной безопасностью не позволяла им открыто присоединиться к ним. Они посещали храмы, продолжая поклоняться языческим богам, и номинально оставались приверженцами старых суеверий. Именно на них теперь христианам пришлось полностью положиться, чтобы обеспечить свои ежедневные нужды.

Вылазки в город стали еще более опасными, и только самые храбрые осмеливались подниматься наверх. Однако среди христиан царило такое пренебрежение к опасности и смерти, что добровольцев было более чем достаточно. Для этого дела предоставил себя также Марцелл, радуясь возможности быть полезным своим братьям. Его бесстрашие и проницательность, ранее возвысившие его как воина, особогодились в его новом занятии. Каждый день умирало немало людей. Христиане разыскивали и уносили их тела для захоронения. Получить на это разрешение было не трудно, поскольку в какой-то мере это было даже удобно для властей, ибо освобождало их от хлопот по поводу кремации или захоронения трупов.

Однажды в общину под Аппиевой дорогой пришла весть, что двое из братьев схвачены и убиты. Марцелл и еще один христианин направились туда, чтобы забрать их тела. Поллио также пошел с ними, чтобы помочь в случае необходимости. На улице уже были сумерки, когда они проходили через городские ворота, а вскоре и вовсе стемнело. Однако вскоре вышла луна,

ярко осветив все вокруг.

Они шли по темным улицам, пока, наконец, не добрались до Колизея, места мученической смерти многих из своих братьев. Темное здание величественно возвышалось над ними, широкое, мрачное и суровое, как имперская власть, воздвигшая его. Толпы служащих, стражей и гладиаторов находились по ту сторону железных ворот, где высокие проходы освещались ярким светом факелов.

Работники Колизея знали об их задании и грубо приказали следовать за ними. Они привели их к арене. Здесь лежало несколько тел, последние из тех, кто был убит в тот день. Они были ужасно изрублены; в некоторых едва можно было различить человеческий облик. После долгих поисков они нашли тех двоих, за которыми пришли. Их тела положили в большие мешки, в которых они собирались отнести их обратно.

Марцелл осмотрелся. Со всех сторон его окружали трибуны, поднимающиеся наверх к стене множеством ступенек. Их черные очертания, казалось, запирали его, становясь преградой, которую он не мог преодолеть.

— Как долго мне еще ждать часа, — подумал он, — когда и я выйду на это место и отдам свою жизнь за моего Спасителя? Когда наступит этот день, останусь ли я верным? Господь Иисус, поддержи меня в тот час.

Луна еще не поднялась достаточно высоко, чтобы осветить своим светом арену. Вокруг была угрожающая темнота. Искали при помощи факелов, взятых у служащих.

Вдруг Марцелл услышал громкий голос, раздавшийся из камеры позади них. Отчетливый голос возвысился в ночном воздухе над разразившимся хохотом стражей:

*«Ныне настало спасение и сила
И царство Бога нашего
И власть Христа Его,*

*Потому что низвержен клеветник братий наших,
Клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь.
Они победили его кровию Агнца
И словом свидетельства своего,
И не возлюбили души своей даже до смерти».*

— Кто это? — спросил Марцелл.

— Не обращай на него внимания, — сказал его спутник. — Это брат Цинна. Печаль довела его до сумасшествия. Его единственный сын был сожжен на костре в самом начале гонений, и с тех пор он ходит по городу, провозглашая осуждение. До сих пор они оставляли его в покое, но наконец схватили и его.

— Теперь он здесь узник?

— Да.

Снова зазвучал голос Цинны, страшно, грозно:

*«Доколе, Владыка Святой и Истинный,
Не судишь и не мстишь
Живущим на земле за кровь нашу?»*

— Тогда это тот человек, которого я слышал в Капитолии?

— Да. Он ходил по всему городу и был даже во дворце, вознося свой вопль.

— Пойдем же.

Взяв мешки, они направились к воротам. После короткой задержки им позволили выйти. И здесь они снова слышали издали голос Цинны:

*«Пал, пал Вавилон...
Сделался жилищем бесов
И пристанищем всякому нечистому духу,
Пристанищем всякой нечистой и отвратительной
птице».*

* * *

«Выйди от нее, народ Мой».

Они молчали, пока не отошли достаточно далеко от Колизея.

— Я испугался, — сказал Марцелл, — что нас тоже могут задержать.

— Твои страхи не были безосновательными, — заметил его брат. — Любая неожиданная прихоть служащего могла привести нас к смерти. Но сегодня мы должны быть готовы встретить смерть в любую минуту. Наш Господь говорит: *«Будьте же и вы готовы»*. Когда придет наш час, мы должны быть готовы сказать: *«Я готов стать жертвой»*.

— Да, — сказал Марцелл, — наш Господь поведал нам, что *«в мире будете иметь скорбь»*.

— Он также повелевает нам мужаться: *«Я победил мир... чтобы и вы были, где Я»*.

— Благодаря Ему, — сказал Марцелл, — мы побеждаем смерть, и *«нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас»*.

Так они ободряли друг друга обещаниями из блаженного Слова жизни, которое во все века и во всех обстоятельствах может наполнять небесным утешением. Неся тяжелые ноши, они, наконец, благополучно достигли места назначения, возблагодарив Бога, что остались невредимыми.

Несколько дней спустя Марцелл отправился за продовольствием. На этот раз он был один. Он пошел к человеку, который дружественно к ним относился и многим им помогал. Он жил в пригороде, рядом с Аппиевой дорогой.

Получив необходимое продовольствие, Марцелл поинтересовался последними новостями.

— Новости для вас не очень хорошие, — сказал человек. — Один из высокопоставленных преторианцев недавно обратился в христианство, вызвав тем самым ярость императора. В результате тот назначил другого для выполнения его обязанностей и отправил его на

поиски христиан. Они ловят по несколько человек ежедневно. Даже самый бедный не избежит ареста в эти дни.

— А, знаешь ли ты имя этого офицера-преторианца, который теперь ищет христиан?

— Луцулл.

— Луцулл! — воскликнул Марцелл. — Как странно!

— Говорят, он очень энергичный и опытный человек.

— Я слышал о нем. Это действительно плохая новость для христиан.

— Обращение в христианство его предшественника на этом посту просто разъярило императора. За его голову обещают большие деньги. Если тебе удастся повстречаться с ним или увидеть его, сообщи ему об этом. Говорят, он прячется в катакомбах.

— Не сомневаюсь, что он прячется там. Нет другого более безопасного места.

— Да, время сейчас, действительно, ужасное. Будь осторожным.

— Они не смогут убить меня больше одного раза, — сказал Марцелл.

— Вы, христиане, имеете чудесную отвагу. Я восхищен вашей смелостью, однако, мне кажется, вам следует хотя бы внешне подчиниться требованиям императорского указа. Зачем вам бросаться в объятия смерти?

— Наш Искупитель умер за нас. Мы готовы умереть за Него. А так как Он умер за Свой народ, мы готовы, подражая Ему, положить свою жизнь за наших братьев.

— Вы удивительные люди, — сказал человек, подняв руки.

Марцелл, попрощавшись, ушел со своей ношей. Новости, которые он только что узнал, поглотили его мысли.

— Итак, Луцулл занял мое место, — подумал он. — Не обратился ли он против меня? Смотрит ли он на меня, как на своего друга Марцелла, или как на одного

из христиан? Возможно, я очень скоро узнаю об этом. Будет действительно странно, если я окажусь его жертвой; и все же, если меня поймают, то это, скорее всего, будет его заслуга.

Однако в этом заключается его долг как солдата, и почему я должен быть недовольным? Если он был назначен на эту службу, он может делать только одно — выполнять ее. Как солдат он должен рассматривать меня только как врага империи. Он может сожалеть и любить меня в сердце, но он не смеет пренебрегать своими обязанностями.

Если за мою голову установлена цена, то они удвоят усилия, чтобы поймать меня. Мое время, я думаю, уже очень близко. Пусть же я буду готовым встретить его.

С такими мыслями он шел вниз по Аппиевой дороге. Он был настолько поглощен собственными размышлениями, что не заметил толпу людей, собравшихся на углу улицы, пока сам не очутился в ней. Затем он неожиданно был остановлен.

— Эй, друг! — произнес чей-то грубый голос. — Не так быстро! Кто ты и куда идешь?

— А ну прочь! — воскликнул Марцелл командирским тоном, привычным для того, кто управлял людьми, и жестом велел мужчине отойти в сторону.

На толпу подействовал его властный голос и поведение, но ее предводитель проявил настойчивость.

— Скажи, кто ты, если хочешь, чтобы мы тебя пропустили.

— Мужчина! — воскликнул Марцелл. — Отойди в сторону! Разве ты не знаешь? Я преторианец.

Услышав это грозное слово, толпа быстро расступилась, и Марцелл прошел сквозь нее. Но не успел он пройти и пяти шагов, как позади него кто-то воскликнул:

— Хватайте его! Это христианин, Марцелл!

Толпа взревела. Большого предупреждения Марцеллу не потребовалось. Бросив свою ношу, он стремглав

кинулся вперед по переулку, ведущему к Тибру. Вся толпа понеслась за ним. Это была погоня не на жизнь, а на смерть. Но Марцелл имел хорошую атлетическую подготовку, благодаря чему смог увеличить дистанцию между собой и своими преследователями. Наконец он достиг Тибра и, прыгнув в воду, переплыл на другой берег реки.

Преследователи, прибежав к реке, не решились продолжать погоню.

Глава X

АРЕСТ

«Испытание вашей веры производит терпение»

Онорий, сестра Сицилия, а также другие люди сидели в помещении для собраний. Слабый свет от единственной лампы едва освещал помещение. Они сидели молча, исполненные тревоги и печали. Были слышны приглушенные голоса и шаги.

Неожиданно послышались торопливые отчетливые шаги; в комнату вошел Марцелл. Все тут же встали с возгласами радости.

— А где Поллио? — взволнованно воскликнула Сицилия.

— Я не видел его, — ответил Марцелл.

— Не видел его? — переспросила Сицилия, опустившись на свое место.

— Что произошло? Он не вернулся в назначенное время?

— Он должен был возвратиться шесть часов назад. Я не нахожу себе от волнения места.

— Не стоит так сильно беспокоиться. Он сможет постоять за себя, — успокаивающе сказал Марцелл, пытаясь произнести эти слова беспечным голосом. Однако его вид явно противоречил его словам.

— Не стоит беспокоиться! — сказала Сицилия. — Увы, мы слишком хорошо знаем о новых бедах. Никогда еще не было так опасно, как в эти дни.

— Что задержало тебя, Марцелл? Мы уже начали было смиряться и с твоей потерей.

— Меня остановили возле улицы Альбы, — сказал Марцелл. — Я бросил свою ношу и побежал к реке. Толпа преследовала меня по пятам, но я прыгнул в реку и переплыл на другой берег. Затем некоторое время петлял по обходным дорогам, после чего снова перешел реку, и так добрался сюда.

— Ты едва спасся. За твою голову установлена цена.

— Вы тоже слышали об этом?

— Да и не только об этом. Мы слышали, что они прилагают удвоенные усилия, чтобы уничтожить нас. На протяжении всего дня до нас доходили печальные новости. Сейчас мы должны как никогда раньше полагаться на Того Единственного, Кто может спасти нас.

— Однако мы еще можем избежать встречи с ними, — обнадеживающе сказал Марцелл.

— Они следят за нашими главными входами, — заметил Онорий.

— Значит, воспользуемся другими. Есть же много иных выходов.

— Они предлагают вознаграждение за поимку всех братьев-служителей.

— Ну и что? Мы будем более тщательно охранять этих братьев.

— Наши пути получения продовольствия постепенно сужаются.

— Но сейчас не меньше смелых и верных сердец, чем было раньше. Кто боится рисковать своей жизнью в эти дни? И продовольствие будет поступать, пока мы будем оставаться в катакомбах. Если мы избежим властей, то сможем принести пользу нашим братьям; если же умрем, получим венец мучеников.

— Ты прав, Марцелл. Твоя вера делает мой страх постыдным. Разве могут бояться смерти те, кто живет в катакомбах? Она является лишь кратковременным мраком. Но сегодня мы услышали многое, что

расстроило наши сердца и наполнило дух тревогой.

— Увы, — продолжил Онорий печальным голосом, — люди рассеяны, и собрания опустели! Лишь несколько месяцев назад в городе было пятьдесят христианских собраний, в которых сиял свет истины и возносились слова молитвы и хвалы Всевышнему. Теперь же собрания разогнаны, люди рассеяны и изгнаны прочь от глаз человеческих.

Он помолчал, пытаясь успокоиться, а затем низким и грустным голосом повторил слова плача из семьдесят девятого псалма:

*«Доколе будешь гневен к молитвам народа Твоего?
Ты напитал их хлебом слезным,
И напоил их слезами в большой мере,
Положил нас в пререkanie соседям нашим,
И враги наши издеваются над нами.
Боже сил! восстанови нас;
Да воссияет лице Твое,
И спасемся!
Из Египта перенес Ты виноградную лозу,
Выгнал народы и посадил ее;
Очистил для нее место,
И утвердил корни ее,
И она наполнила землю.
Горы покрылись тенью ее,
И ветви ее как кедры Божию;
Она пустила ветви свои до моря
И отрасли свои до реки.
Для чего разрушил Ты ограды ее,
Так что обрывают ее все, проходящие по пути?
Лесной вепрь подрывает ее,
И полевой зверь объедает ее.
Боже сил! обратись же,
Призри с неба, и воззри, и посети виноград сей;
Охрани то, что насадила десница Твоя,
И отрасли, которые Ты укрепил Себе.*

Он пожжен огнем, обесечен;
От прещения лица Твоего погибнут».

— Тебе грустно, Онорий, — сказал Марцелл. — Наши страдания, действительно, возросли по сравнению с прошлым, но мы можем все это преодолеть «силою Возлюбившего нас». Что Он говорит нам об этом?

«Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия».

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни... побеждающий не потерпит вреда от второй смерти».

«Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает».

«Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками... и дам ему звезду утреннюю».

«Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцом Моим и пред Ангелами Его».

«Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое».

«Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его».

Когда Марцелл говорил эти слова, его тело напряглось, глаза засверкали, и лицо озарилось вдохновением. Его чувства передались стоящим рядом, и, когда эти славные обещания одно за другим достигли их ушей, они забыли на время печали, обратив свой взор на приближающееся блаженство: Новый Иерусалим, золотые улицы, пальмы славы, песня Агнца, лицо Того, Кто сидит на престоле.

— Марцелл, — сказал Онорий, — ты прогнал мое уныние этими словами. Давайте же, братья, отложив

наши земные заботы, возведем очи к горам. Самый младший, родившийся для Царства, пристыдил нашу веру. Будем же взирать на ожидающую нас радость, *«ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный»*.

— Смерть уже у дверей, — продолжил он, — наши враги окружают нас, и этот круг сужается. Умрем же, как христиане.

— Откуда такое мрачное предчувствие? — спросил Марцелл. — Разве смерть сегодня к нам ближе, чем вчера? Разве мы не в безопасности в катакомбах?

— Неужели ты не слышал?

— Что?

— О смерти Крисиппа?

— Крисипп мертв? Нет! Как? Когда?

— Кто-то, знающий катакомбы, провел солдат в них. Они направились в комнату, где проходило служение. Это произошло в катакомбах за Тибром. Братья тут же подняли тревогу и убежали. Но Крисипп, либо по причине весьма преклонного возраста, либо из желания стать мучеником, отказался бежать. Он опустился на колени и возвысил голос в молитве. Два верных брата остались с ним. Солдаты ворвались, когда Крисипп все еще был на коленях; они разбили ему голову. После первого же удара он упал мертвым на землю, и двое его братьев также были убиты на месте.

— Они пополнили благородное воинство мучеников. Они, оставшись верными до смерти, получают венец жизни, — сказал Марцелл.

Но их беседу внезапно прервал шум снаружи. Все сразу же насторожились.

— Солдаты! — воскликнул кто-то.

Но нет; это были не солдаты. Это был христианин, принесший новости из верхнего мира. Бледный и дрожащий, он бросился на землю и, прижав руки, задышавшись, воскликнул:

— Горе! Горе!

Вид этого человека произвел на Сицилию ужасное впечатление. Она, крепко сжав руки и дрожа всем телом, попятилась к стене, глаза ее дико расширились, губы задрожали, будто желали что-то сказать, но ни звука не исходило из ее уст.

— Говори! Расскажи нам все! — воскликнул Онорий.

— Поллио! — с трудом дыша, произнес посыльный.

— Что с ним? — строго спросил Марцелл.

— Он арестован — он в темнице!

Раздался ужасный пронзительный крик. Он вырвался из уст Сицилии. В следующий момент она медленно опустилась на землю.

Все поспешили помочь ей. Ее отнесли в занимаемое ею помещение, и там обычными препаратами привели в чувство. Но это известие так сильно ранило ее, что она все еще пребывала в каком-то отрешенном состоянии.

Тем временем посыльный, передохнув, рассказал обо всем, что ему было известно.

— Поллио был с тобой? — спросил Марцелл.

— Нет, я был один.

— А что он делал?

— Пытался узнать новости. Я следовал за ним по другой стороне улицы, когда он возвращался домой. Когда мы проходили мимо толпы людей, к моему удивлению, его вдруг остановили и начали расспрашивать. Я не слышал разговора, но видел угрожающие жесты, а потом они схватили его. Я не мог ему ничем помочь. Держась на безопасном расстоянии, я следил за происходящим. Вскоре подошло несколько преторианцев. Поллио был отдан в их руки, и они увели его.

— Преторианцы? — переспросил Марцелл. — Ты узнал командира?

— Да, это был Луцулл.

— Хорошо, — сказал Марцелл, глубоко задумавшись.

Глава XI

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

*«Нет больше той любви, как если кто
положит душу свою за друзей своих»*

В лагере преторианцев наступил вечер. Луцулл сидел у себя в комнате возле лампы, ярко освещавшей все вокруг. Вдруг раздался стук в дверь. Быстро встав, он открыл ее. Вошел человек и тихо прошел в середину комнаты. Затем он освободил себя от складок большой мантии, в которую был одет, и повернулся в сторону Луцулла.

— Марцелл! — удивленно и радостно воскликнул тот, устремившись вперед, чтобы обнять своего посетителя. — Дорогой друг, какой счастливой судьбе я обязан столь неожиданной встрече? Я только что думал о тебе и о том, когда мы снова встретимся.

— Наши встречи, — с грустью сказал Марцелл, — боюсь, не будут слишком частыми в настоящее время. Я пришел сегодня, рискуя жизнью.

— Правда, — посочувствовал Луцулл своему товарищу. — Тебя ищут, и за твою поимку установлено вознаграждение. Но вот ты здесь в такой же безопасности, как и в те счастливые дни, до того как тобой овладело это безумие. О, Марцелл, разве нельзя сделать так, чтобы все было как прежде?

— Я не могу ни изменить свою природу, ни

переделать то, что было сделано. Более того, Луцулл, хотя моя участь может показаться тебе незавидной, я никогда еще не был так счастлив.

— Счастлив? — воскликнул тот в глубочайшем изумлении.

— Да, Луцулл, *«мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся»*.

— Гонения императора — не какая-то авантюра.

— Я хорошо это понимаю. Я вижу, как мои братья слагают ежедневно свои головы С каждым днем круг, внутри которого я нахожусь, сужается. Мои друзья уходят и больше никогда не возвращаются. Братья выходят в город, но обратно их несут мертвыми, чтобы положить в вырытые могилы.

— И все же ты говоришь, что можешь быть счастливым?

— Да, Луцулл, у меня есть такой мир, о котором этот мир ничего не знает; мир, нисходящий свыше, *«который превышает всякого ума»*.

— Я знаю, Марцелл, что ты слишком смел, чтобы бояться смерти; но я никогда не думал, что в тебе найдется столько стойкости, чтобы спокойно переносить все страдания, ставшие должно быть твоей участью. Твоя сверхчеловеческая смелость, скорее, это смелость безумия.

— Она ниспослана свыше, Луцулл. Мой Господь Иисус Христос значит для меня больше, чем все земные богатства и слава. Раньше я не был способен испытывать подобные чувства, но сейчас *«древнее прошло, теперь все новое»*. Получая поддержку от этой новой силы, я могу переносить все беды, которые обрушатся на меня. Я не ожидаю от жизни ничего, кроме страданий, и знаю, что умру в ужасных муках; но и это не в силах побороть сильную веру, которая внутри меня.

— Мне больно видеть, — с грустью сказал

Луцулл, — твою решительность. Если бы я заметил в тебе малейший признак колебаний, то имел бы надежду, что со временем ты изменишься и переоценишь свое положение. Но ты, кажется, безвозвратно стал на новый путь.

— Да поможет мне Бог остаться верным до конца! — горячо молвил Марцелл. — Но я пришел говорить не о своих чувствах. Я пришел, Луцулл, попросить тебя об услуге, сострадании и помощи. Ты пообещал однажды в знак нашей дружбы оказать мне помощь, если такова вдруг потребуется. Так вот, я пришел, чтобы воспользоваться полученным обещанием.

— Все, что в моей власти, считай уже сделанным, Марцелл. Скажи, что ты хочешь.

— У тебя есть узник.

— Да, много.

— Это мальчик.

— По-моему, мои солдаты задержали одного мальчика совсем недавно.

— Этот мальчишка не представляет такой ценности, чтобы сажать его в тюрьму. Он не достоин гнева императора. И он пока в твоей власти. Я пришел, Луцулл, умолять тебя об его освобождении.

— Увы, Марцелл, понимаешь ли ты, о чем просишь? Разве ты забыл дисциплину римской армии и клятву солдата? Неужели ты не знаешь, что, совершив подобное, я нарушу клятву и стану предателем? Если бы ты попросил меня упасть на меч, я бы сделал это с большей охотой.

— Я не забыл ни военную клятву, ни армейскую дисциплину, Луцулл. Я просто подумал, что этот мальчишка, который еще совсем недавно был ребенком, не должен считаться за узника. Разве указ императора распространяется и на детей?

— Для него все равны, независимо от возраста. Разве ты не видел подростков, умирающих в Колизее?

— К сожалению, видел, — сказал Марцелл,

вспомнив о тех молодых девах, песня которых нежно коснулась его сердца, пронзив его болью. — Выходит, и этот мальчишка должен умереть?

— Да, — ответил Луцулл, — если, конечно, не отречется от христианства.

— Он никогда этого не сделает.

— Значит, он сам навлечет на себя смерть. Закон убьет его, не я, Марцелл. Я лишь его инструмент. Не обвиняй меня.

— Я не обвиняю тебя. Я прекрасно знаю, как ты свято чтишь повиновение. Если ты занимаешь эту должность, то должен выполнять свои обязанности. Выдача узников запрещена, но обмен разрешен.

— Да.

— Если бы я рассказал тебе об узнике, намного более важном, чем этот мальчишка, ты бы отпустил его, не так ли?

— Но вы, христиане, ведь не забрали никого из нас в плен.

— Нет, но мы имеем в своем распоряжении самих себя, и среди нас есть некоторые, чьи головы император оценил очень высоко. За поимку одного из них он не пожалел бы и сотни подобных мальчишек.

— Значит, христиане предают друг друга? — с удивлением спросил Луцулл.

— Нет, но иногда христиане отдают свою собственную жизнь, чтобы спасти жизнь другого.

— Невозможно!

— Но в этом случае так.

— Кто этот человек, которого ты предлагаешь в обмен на мальчишку?

— Я!

Услышав это, Луцулл попятился.

— Ты шутишь? Это невозможно.

— Я говорю серьезно. Я настолько в этом заинтересован, что добрался к тебе, рискуя жизнью. Я объясню почему. Этот мальчик, Поллио, последний из

представителей древнего и благородного римского рода. Он единственный сын у своей матери. Его отец погиб в сражении. Он принадлежит к роду Сервилия.

— Сервилия! А его мать, не госпожа ли Сицилия?

— Да. Сейчас она скрывается в катакомбах. Вся ее жизнь и любовь сокрыты в ее мальчике. Она позволяет ему ежедневно бывать в городе, боясь, что сырость, которая так вредна для детского организма, может убить его. Понимая, что эти походы весьма опасны, она в его отсутствие постоянно испытывает тревогу, хотя и считает, что этим подвергает его меньшему злу. Этот мальчик теперь является твоим пленником. Узнав об этом, его мать оказалась между жизнью и смертью. Если ты убьешь его, то и она умрет, и из этой жизни уйдет один из самых благородных и чистых людей в Риме. Поэтому я пришел предложить себя в обмен. Кто я? Я один в этом мире. Ничья жизнь не связана с моей. Ничье настоящее или будущее не зависит от меня. Я не боюсь смерти. Мне все равно, наступит ли она сейчас или в какой-то другой момент. Но она наступит, рано или поздно, и я желаю лучше отдать ее как выкуп за друга, чем отдать ее без пользы.

Поэтому, Луцулл, я умоляю тебя священными узами дружбы, твоим состраданием, твоим обещанием мне, помоги мне теперь и заberi мою жизнь в обмен на его.

Луцулл, поднявшись, взволнованно зашагал по комнате.

— Почему, о, Марцелл, — воскликнул он наконец, — ты испытываешь меня так страшно?

— Мое предложение несложно принять.

— Ты забыл, что твоя жизнь драгоценна для меня.

— Но подумай об этом мальчике.

— Я глубоко сочувствую ему. Но почему ты думаешь, что я смогу принять твою жизнь взамен?

— Я уже отказался от своей жизни, и она закончится рано или поздно. Я умоляю тебя принять ее сейчас, пока она может принести хоть какую-то пользу.

— Ты не умрешь, пока я буду в силах воспрепятствовать этому. Твоя жизнь еще не потеряна. Клянусь бессмертными богами, пройдет еще немало времени, пока ты выйдешь на арену.

— Никто не сможет спасти меня, когда я окажусь в их руках. Ты можешь попытаться сделать все возможное. Но что ты сможешь сделать для того, на кого пал гнев императора?

— Я могу сделать так, чтобы до этого не дошло. Но даже, если б мне было не по силам хотя бы что-нибудь для тебя сделать, я все равно отказался бы принять твое предложение.

— Если бы я пошел к самому императору, он принял бы мое предложение.

— Он бы сделал из тебя узника и казнил бы вас обоих.

— Я могу послать гонца со своим предложением.

— Послание твое никогда бы не дошло до него; или дошло бы, когда уже, по крайней мере, было бы слишком поздно.

— Значит, нет никакой надежды? — с сожалением спросил Марцелл.

— Никакой.

— И ты решительно отказываешься принять мое предложение?

— Увы, Марцелл, как я могу быть виновным в смерти своего друга? Ты не жалеешь меня. Прости меня, что я отказываюсь принять столь неразумное предложение.

— Да будет воля Божья, — сказал Марцелл. — Мне нужно побыстрее возвращаться. Но как я могу вернуться со столь печальной вестью?

Два друга молча обнялись, и Марцелл ушел, оставив Луцулла в глубоком замешательстве.

Марцелл благополучно возвратился в катакомбы. Братья, которые знали о цели его путешествия, приняли его с печальной радостью.

Сицилия все еще пребывала в помрачении, и иногда в бреду рассказывала о счастливых моментах своей молодости. Но тяжелая жизнь в катакомбах, чередующиеся надежда и страх, радость и печаль, никогда не покидающее беспокойство и гнетущий воздух взяли верх над ее рассудком и телом. Ее утонченная натура медленно поглощалась этими яростными испытаниями, а этот последний удар совсем подкосил ее силы, и она не могла уже восстановить их.

В ту ночь все сидели вокруг ее кровати. С каждым часом она становилась все слабее, и жизнь медленно, но безвозвратно оставляла ее. От приближающейся смерти ее не спасло бы даже возвращение сына.

Но, несмотря на то, что мысли о земном оставили ее и земные чувства ослабли, одно главное стремление ее последних лет не покинуло ее ни на минуту. Ее губы шептали священные слова, которые так долго были для нее поддержкой и подкреплением. Из ее уст исходило имя ее дорогого сына, хотя его настоящее опасное положение было забыто; и все же имя Иисуса произносилось ею наиболее горячо.

И вот наступил конец. Пробыв некоторое время в неподвижном состоянии, ее тело вдруг напряглось, глаза широко раскрылись, на ее бледном и истощенном лице появился румянец, и она тихо воскликнула: «Гряди, Господи Иисусе!» С этими словами жизнь оставила ее, и чистый дух Сицилии возвратился к Богу, Который дал его.

Глава XII

СУД НАД ПОЛЛИО

*«Из уст младенцев и грудных
детей Ты устроил хвалу»*

События происходили в большом зале здания, расположенного неподалеку от дворца императора. Пол в этом зале был из полированного мрамора, а колонны, поддерживавшие декоративно украшенный купол, из порфира. С одной стороны зала возвышались жертвенник и статуя языческого божества, а с другой — одетые в мантии судьи, восседавшие на своих креслах. Перед ними стояло несколько солдат, охранявших заключенного.

Заключенным был мальчик Поллио.

Его лицо было бледным, но держался он уверенно. Острый ум, которым он всегда отличался, не оставлял его и сейчас. Быстро окинув взглядом все вокруг, он правильно оценил ситуацию. Он знал о неизбежной участи, которая скоро постигнет его. Однако в нем не было признаков страха или нерешительности.

Он знал, что единственная связь, которая удерживала его на земле, разорвалась. Ранним утром до него дошла

весть о смерти матери. Ему об этом сообщил один человек, полагая, что знание этого факта поможет ему обрести решительность. Этим человеком был Марцелл. Благодаря доброте Луцулла, ему была предоставлена возможность встретиться с ним. Он оказался прав. До тех пор, пока была жива его мать, мысли о ней могли ослабить его решительность; но теперь, когда она была мертва, он всем сердцем хотел уйти вслед за ней. Его детская вера вселяла в него уверенность, что смерть в мгновение объединит его с мамой, которую он так сильно любил. С подобными чувствами он ожидал суда.

— Кто ты?

— Марк Сервилий Поллио.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

Когда все слышали его имя, по залу пронесся шепот сострадания, так как имя это было хорошо известно в Риме.

— Ты обвиняешься в преступлении, состоящем в том, что ты — христианин. Что ты можешь сказать об этом?

— Я ни в каком преступлении не виновен, — ответил мальчик. — Я — христианин и рад, что могу открыто исповедать это перед людьми.

— Они все одинаковые, — сказал один из судей. — У них у всех одни и те же фразы.

— Знаешь ли ты суть своего преступления?

— Я ни в чем не виновен, — сказал Поллио. — Моя вера учит меня бояться Бога и чтить императора. Я был послушен всякому справедливому закону и не был предателем.

— Быть христианином — это то же, что быть предателем.

— Я христианин, но я не предатель.

— Закон империи запрещает тебе быть христианином под угрозой смерти. Если ты христианин, ты должен умереть.

— Я христианин, — уверенно повторил Поллио.

— Тогда ты умрешь.

— Пусть будет так.

— Мальчик, знаешь ли ты, что такое смерть?

— Я видел много смертей за последние несколько месяцев. И я всегда был готов отдать свою жизнь за моего Господа, когда придет мой черед.

— Мальчик, ты молод. Мы сочувствуем твоей молодости и неопытности. Ты был странно воспитан, так что теперь практически не отвечаешь за свое безрассудство. Мы готовы это учесть. Религия, ослепившая тебе глаза, есть ни что иное, как сущая глупость. Вы верите в то, что бедняк-иудей, казненный двести лет назад, является Богом. Может ли быть что-то более абсурдное? Наша религия — это религия империи. В ней достаточно всего, чтобы удовлетворить умы молодежи и стариков, образованных и невежд. Оставь свое глупое суеверие и обратись к более мудрой и старой религии.

— Не могу.

— Ты — последний из своего знатного рода. Империя признает заслуги и благородство рода Сервилия. Твои предки жили в роскоши и богатстве, будучи весьма влиятельными людьми. Ты же лишь бедный несчастный мальчик, и к тому же узник. Будь мудрым, Поллио. Подумай о славе твоих предков и отбрось это жалкое препятствие, удерживающее тебя от их выдающейся славы.

— Не могу.

— Ты жил, как жалкий изгой. Самый бедный попрошайка в Риме живет лучше тебя. Его еда достается ему с меньшим трудом и унижением. Его жилище — при свете дня. Но самое главное то, что он в безопасности. Его жизнь принадлежит только ему самому. Ему не нужно постоянно бояться римского правосудия. Тебе же приходилось влачить жалкое существование в нужде, опасности и темноте. Что дала

тебе восхваляемая тобой религия? Что сделал для тебя этот обожествленный иудей? Ничего; хуже, чем ничего. Отвернись от этого обманщика, и богатство, удобства, друзья, почести империи и расположение императора будут твоими.

— Не могу.

— Твой отец был верным гражданином и отважным солдатом. Он умер в сражении за свою страну. Он оставил тебя, тогда еще младенца, чтобы ты стал наследником его славы и последней опорой для его рода. Но он не подозревал об окружавшем тебя коварном влиянии, которое уведет тебя в сторону. Ум твоей матери, ослабленный печалью, поддался хитро-сплетенной коварности лжеучителей, и она по неведению навлекла на тебя гибель. Если бы твой благородный отец был сейчас жив, то ты стал бы надеждой на продолжение его древнего рода; твоя мать также последовала бы за верой своих славных предков. Разве ты не ценишь память об отце? Не имеет ли он права просить тебя выполнить свой сыновний долг? Разве это не грех — бесчестить гордое имя, которое ты носишь, и порочить незапятнанную славу, переданную тебе от твоих отцов? Оставь этот обман, ослепивший тебя. Памятью о твоём отце, честью твоего рода умоляем тебя: оставь свой нынешний путь.

— Я ни в чем не порочу их славное имя. Моя вера чиста и свята. Я могу умереть, но не ослушаюсь своего Спасителя.

— Ты видишь, как милостивы мы к тебе. Твое имя и твоя неопытность вызывают к нашему состраданию. Будь ты обычным узником, мы бы сказали тебе лишь несколько слов, предоставив выбор раскаяться или умереть. Но мы готовы уговаривать тебя, потому что не хотим, чтобы знатный род прекратил свое существование из-за невежества и упрямства испорченного наследника.

— Спасибо за сочувствие, — сказал Поллио, — но

ваши доводы — ничто в сравнении с высшими заповедями моего Господа.

— Безрассудный и беспечный мальчишка! Есть и другие доводы, которые окажутся куда более весомыми. Гнев императора ужасен!

— Но еще более ужасен гнев Агнца.

— Ты говоришь невнятные речи. Что такое гнев Агнца? Разве ты не понимаешь, что тебя ожидает?

— Мои братья и друзья уже прошли через все, что вы можете совершить. Я верю, что и я смогу пройти через это с такой же стойкостью.

— Сможешь ли ты выдержать ужасы арены?

— Надежду свою я возлагаю не на одну лишь физическую силу.

— Сможешь ли ты встретить разъяренных львов и тигров, которые устремятся на тебя?

— Тот, в Кого я верю, не оставит меня во время испытаний.

— Ты самоуверен.

— Я доверяю Тому, Кто возлюбил меня и отдал Себя за меня.

— Думал ли ты о смерти в огне? Готов ли ты встретить пламенные языки костра?

— Если мне суждено пройти через это, я не отступлю. Каким бы ужасным это ни было, оно все равно закончится, и я навсегда буду вместе с Господом.

— Фанатизм и суеверие полностью овладели тобой. Ты не осознаешь, что ожидает тебя. Легко слышать угрозы, легко отвечать на них, заявляя о смелости. Но как ты почувствуешь себя, когда ужасная реальность окружит тебя?

— Я буду смотреть на Того, Кто никогда не оставляет Своих в час нужды.

— Но Он пока ничего не сделал для тебя.

— Он сделал для меня все. Он отдал Свою жизнь, чтобы я мог жить. Через Него я получил лучшую жизнь, чем та, которую вы хотите отнять у меня.

— Это лишь твои фантазии. Как может несчастный иудей сделать такое?

— В нем обитает вся полнота Бога; Он есть воплощенный Бог. Он умер телесно, чтобы мы могли получить жизнь духовную.

— Неужели ничто не сможет открыть твои глаза? Неужели тебя не убеждает тот факт, что твоя безумная вера не принесла тебе ничего, кроме страданий и горя? Зачем ты продолжаешь держаться за нее? Ты видишь, что смерть неизбежна, неужели не хочешь оставить свое заблуждение?

— Моя вера дает мне силу победить смерть; я не боюсь ее. Я смотрю на смерть как на переход из этой жизни печали в бессмертную жизнь блаженства. Для меня не важно, умру ли я от диких зверей или от пламени костра. Господь даст мне силы остаться верным; Он поддержит меня и в одно мгновение перенесет мой дух в бессмертную жизнь на Небеса. Смерть, которой вы меня пугаете, не страшит меня; но жизнь, которую вы мне обещаете, ужаснее тысячи смертей.

— Мы даем тебе последний шанс. Безрассудный юноша, остановись на секунду на своем безумном пути. Забудь на мгновение безумные советы твоих учителей-фанатиков. Подумай обо всем, что тебе было сказано. Перед тобой лежит жизнь, полная радости, удовольствий и всевозможных блаженств. Честь, друзья, богатство, власть — все это будет твоим. Знатное имя и владения твоей семьи ожидают тебя. Чтобы получить это, ты должен сделать самую малость: возьми этот кубок и соверши возлияние на тот жертвенник. Возьми его. Нет ничего проще. Сделай это как можно быстрее. Спаси себя от ужасной смерти.

Глаза всех собравшихся были устремлены на Поллио, когда ему было сделано это последнее предложение. Наблюдателей поразила стойкость, проявленная им до сих пор. Они не могли понять, откуда она у него.

Но даже этот последний призыв не произвел на него никакого впечатления. Бледный, но решительный, Поллио отошел от предложенного кубка.

— Я никогда не предам моего Спасителя.

После этих слов наступила короткая пауза. Затем главный судья сказал:

— Ты сам произнес себе приговор. Уведите его! — обратился он к солдатам.

Глава XIII

СМЕРТЬ ПОЛЛИО

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»

Приговор, вынесенный Поллио, был приведен в исполнение быстро и решительно. На следующий день в Колизее было устроено зрелище. Сидения до самого верха были заполнены кровожадной римской публикой, а на арене чередовались те отвратительные ужасы, которые были описаны ранее.

Гладиаторы снова сражались, убивая друг друга. На арене можно было увидеть все известные виды сражений, и самые кровавые из них встречались с наибольшим восторгом.

Снова перед взором собравшихся чередовались сцены крови и агонии; свирепый победитель дня получал мимолетные поздравления изменчивых зрителей. Снова мужчина сражался с женщиной, или с более лютым противником — тигром. Раненый гладиатор снова смотрел на толпу, отчаянно моля о милости, но видел лишь знак смерти — опущенный вниз большой палец безжалостных зрителей.

Сейчас распаленная толпа требовала большего кровопролития. Схватки между двумя равными по силе мужчинами утратили для них на сегодня интерес. Всем было известно, что христиан придерживают для заключительной части зрелища, и появления последних требовали с большим нетерпением.

Луцулл стоял недалеко от императора, рядом с императорской гвардией. Однако его прежнее веселье покинуло его, и он стоял, нахмутив брови.

Высоко вверху в последних рядах выделялось своей бледностью строгое лицо, пристально следящее за происходящим на арене. Видно было, что человек этот был сильно встревожен.

Вдруг послышался резкий звук поднимающихся решеток, и на арену выпрыгнул тигр. Запрокидывая голову и хлеща себя хвостом, он осторожно продвигался, рассматривая огромное количество окружавших его со всех сторон людей.

Вскоре послышался шепот. На арену был вытолкнут мальчик.

Его лицо было бледным, хрупкая фигурка не шла ни в какое сравнение с огромным телом разъяренного зверя. Чтобы сделать его посмешищем, его одели в одежду гладиатора.

Но, несмотря на молодость и кажущуюся слабость, в его лице и поведении не было ничего, что указывало бы на чувство страха. Его взгляд был спокойным и задумчивым. Он тихо шел вперед к центру арены, и там, на виду у всех, соединив руки и устремив взор вверх, начал молиться.

Тем временем тигр продолжал двигаться по кругу. Он видел мальчика, но это никак не действовало на него. Он все еще осматривал огромные стены, издавая временами дикое рычание.

Человек со строгим и печальным лицом продолжал смотреть, полностью поглощенный происходящим.

Тигр, казалось, не имел ни малейшего желания

напасть на мальчика, который все так же молился.

Собравшиеся вскоре начали негодовать. Поднялись шум, вопли и крики, чтобы разозлить тигра и побудить его к схватке.

Но вдруг сквозь весь этот шум послышался сильный и страшный голос:

*«Доколе, Владыка Святой и Истинный,
Не судишь и не мстишь живущим на земле
За кровь нашу?»*

После этого наступила полнейшая тишина. Каждый в удивлении посмотрел на своего соседа.

Но тишину вскоре нарушил тот же голос, прозвучавший с новой ужасающей силой:

*«Се, грядет с облаками,
И узрит Его всякое око
И те, которые пронзили Его;
И возрыдают пред Ним все племена земные.
Ей, аминь».*

* * *

*«Праведен Ты, Господи,
Который еси и был, и свят,
Потому что так судил;
За то, что они пролили кровь святых и пророков,
Ты дал им пить кровь:
Они достойны того...
Ей, Господи Боже Вседержитель,
Истинны и праведны суды Твои!»*

Вскоре виновник замешательства стал известен. Со всех сторон снова посыпались оглушительные вопли и крики: «Это проклятый христианин!» — «Это фанатик Цинна!» — «Его держали в темнице четыре дня без еды!» — «Выводи его! Отдай его тигру!»

Крики и проклятия поднялись до самого верха,

слившись в один огромный рев. Тигр начал прыгать в приступе бешенства. Служащие, услышав требование толпы, поспешили его выполнить.

Вскоре решетки были открыты. Жертва была вытолкнута на арену. Ужасно изнуренный и смертельно бледный человек робко направился вперед. Его глаза отражали нездоровый блеск, щеки горели, а запущенные волосы и длинная борода сплелись в один густой комок.

Тигр, увидев его, тут же к нему устремился. Приблизившись на короткое расстояние, разъяренный зверь прижался к земле. Мальчик, поднявшись с колен, наблюдал за происходящим. Но Цинна не видел тигра. Он смотрел на толпу и, выбросив сухую руку вверх, кричал угрожающим тоном: «Горе! Горе! Горе жителям земли!»

Его голос захлебнулся в крови. Прыжок, падение — и конец.

Затем тигр повернулся к мальчику; его кровожадность была полностью пробуждена. Со вздыбленной шерстью, сверкающими глазами и качающимся хвостом он стоял лицом к своей жертве.

Мальчик, увидев, что конец приближается, снова упал на колени. Воцарилась мертвая тишина — толпа возбужденно ожидала очередной кровавой сцены. Человек, так пристально наблюдавший за происходящим, поднялся, устремив свой взгляд на арену. Из-за его спины послышались раздраженные окрики: «Садись!» — «Сядь!» — «Ты закрываешь спиной арену!»

Но человек, либо не слышал, либо нарочно не обращал на эти возгласы внимания. Наконец шум стал таким, что офицеры внизу повернулись, чтобы посмотреть на происходящее.

Луцулл был одним из них. Увидев, что происходит, он вздрогнул и побледнел.

— Марцелл! — вскрикнул он. От неожиданности он на мгновение попятился, затем, придя в себя, поспешил к месту происшествия.

Но вдруг по всей толпе прошел шепот. Тигр, ходивший вокруг мальчика и возбуждавший в себе тем самым еще большую ярость, неожиданно прижался к земле, готовясь сделать прыжок.

Мальчик встал. Его лицо имело ангельское выражение, глаза излучали вдохновение. Он уже не видел ни арены, ни окружавших его высоких стен, ни высоко поднимавшихся рядов вместе с бесчисленным количеством лиц; он больше не видел ни безжалостных глаз жестоких зрителей, ни гигантской фигуры дикого врага.

Его парящий дух, казалось, уже вошел в золотые ворота Нового Иерусалима, и невыразимая слава полуденных Небес предстала перед его глазами.

— Мама, я иду к тебе! Господь Иисус, прими дух мой!

Его слова прозвучали в ушах всех собравшихся отчетливо и нежно. Слова затихли, и тигр набросился на него.

В следующее мгновение через тучи пыли было видно лишь очертания борющихся фигур.

Борьба закончилась. Тигр отошел назад, песок был красным от крови, а на нем лежало искромсанное тело верного Господу, благородного Поллио.

Затем из наступившей тишины вырвался похожий на звук трубы крик, напугавший собравшихся: *«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?... Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»*

Тысячи людей моментально встали в едином порыве ярости и негодования. Десять тысяч рук протянулись в сторону смелого возмутителя с возгласами: «Христианин!» — «Христианин!» — «На костер его!» — «Бросьте его к тигру!» — «Выведите его на арену!»

Таковыми были крики в ответ на его слова.

Луцулл добрался до Марцелла как раз вовремя, чтобы спасти его от толпы разъяренных римлян, которые уже готовы были разорвать его на части. Даже

тигр внизу не был таким свирепым и кровожадным, как они. Луцулл прорвался через них, отбрасывая всех налево и направо, и был похож на охранника среди диких зверей.

Испугавшись его властности, толпа расступилась, и солдаты прошли вперед.

Вверив Марцелла солдатам, Луцулл вывел всех за пределы амфитеатра. Там он взял узника под личное попечение. Солдаты последовали за ними.

— Марцелл! Глупо самому отдавать собственную жизнь!

— Я выкрикнул это от чувств, переполнивших меня в тот момент. Этот дорогой мальчик, которого я любил, умер на моих глазах! Я не мог молчать. Однако я не раскаиваюсь. Я тоже готов положить свою жизнь за моего Царя и Бога.

— Бессмысленно спорить с тобой. Ты не способен сейчас размышлять здраво.

— Я не хотел выдать себя, но не жалею о том, что это произошло. Нет, я даже радуюсь, что мне суждено пострадать за моего Искупителя.

— Мой друг, неужели ты не ценишь свою жизнь?

— Я люблю своего Спасителя больше жизни.

— Смотри, Марцелл, дорога впереди нас открыта. Ты умеешь быстро бежать. Беги же — и будешь спасен.

Луцулл произнес это быстрым шепотом. Солдаты шли в двадцати шагах позади них, поэтому вероятнее всего Марцелл смог бы убежать.

Он сжал руку своего друга.

— Нет, Луцулл. Я не хочу получить жизнь за счет твоего бесчестья. Я люблю доброе сердце, которое побуждает тебя к этому, но я не позволю тебе попасть в беду из-за нашей с тобой дружбы.

Луцулл вздохнул и пошел дальше, не говоря ни слова.

Глава XIV

ИСКУШЕНИЕ

«Все это дам тебе, если, нав, поклонись мне»

Той ночью Луцулл оставался в камере со своим другом. Он всячески пытался поколебать его решимость. Он взывал ко всем чувствам, которые свойственны человеку. Но все было напрасно. Вера Марцелла была слишком крепкой. Она была основана на Вечной Скале, где ни буря жестоких угроз, ни нежное влияние дружбы не могли ослабить его решения.

— Нет, — сказал он, — мой путь избран, и решение принято. Что бы ни случилось, хорошее или плохое, я должен пройти его до конца. Я знаю, что ожидает меня. Я взвесил все последствия моего поступка, и, несмотря ни на что, продолжу свой путь до конца.

— Позволь мне попросить тебя об одной лишь малости, — сказал Луцулл. — Я не хочу, чтобы ты оставлял свою религию навсегда, но лишь — в данный момент. Повсюду свирепствуют жесточайшие гонения, и перед их яростью не устоит никто: ни молодой, ни старый, ни знатный, ни бедный. Ты сам видел, что нет различия ни для класса, ни для возраста. Поллио спасли

бы, если бы это было возможно. К нему все были расположены. Он был молод и едва мог отвечать за свое заблуждение; он также был знатным, последним из древнего рода. Но закон неумолим, он понес наказание. Цинну также можно было бы отпустить. Он был сумасшедшим, ни больше, ни меньше. Но ненависть к христианам так сильна, что даже явное безумие не смогло спасти его жизнь.

— Я хорошо это знаю. Князь тьмы сражается против Церкви Божьей, но она основана на Скале, и *«врата ада не одолеют ее»*. Разве я не видел, как добрых, чистых, благородных, святых и невинных — всех постигала одна и та же участь? Разве я не знаю, что к христианам нет милосердия? Я прекрасно знаю об этом уже давно. Я всегда был готов к последствиям с тех пор, как познал Господа Иисуса Христа.

— Выслушай меня, Марцелл. Я сказал, что хочу попросить тебя об одной мелочи. Тебе не нужно отказываться от религии, которую ты так высоко ценишь. Будь верен ей, если такова твоя воля. Но посмотри на обстоятельства. Вокруг свирепствует буря, склонись перед ней. Поступи, как мудрый человек, а не как фанатик.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Вот что. Через несколько лет грянут перемены. Либо гонения сами себя исчерпают, так как народу это надоест, либо умрет император и другой правитель с иным отношением к христианам займет его место. Тогда для христиан не будет никакой опасности. И все эти люди, которые сейчас гонимы, снова возвратятся в свои дома из убежищ, вернут себе прежнее достоинство и богатство. Помни об этом. Поэтому не спеши отдавать свою жизнь, которая все еще может оказаться полезной для империи и счастливой для тебя лично. Цени ее ради самого себя. Посмотри на себя. Подумай обо всем этом. Отложи на время свою религию и возвратись на службу империи. Только на время. Таким

образом ты сможешь избежать опасности, и, когда придут благоприятные времена, снова станешь христианином.

— Это невозможно, Луцулл. Это противно моей душе. Я не могу стать лицемером. Если бы ты знал, что произошло во мне, то не просил бы меня ложно клясться об отдаче своей бессмертной души миру, чтобы затем снова отдать ее Богу. Лучше я сразу умру под жесточайшими пытками, которые только существуют на земле.

— Ты занимаешь столь крайнюю позицию, что я теряю всякую надежду спасти тебя. Неужели ты не можешь посмотреть на эту проблему разумно? Это не нарушение клятвы, а дальновидность; не лицемерие, а мудрость.

— Боже, упаси меня сделать подобное согрешение против Тебя!

— Послушай дальше. Ты не только принесешь пользу самому себе, но и другим. Христиане, которых ты так любишь, будут получать от тебя помощь более значительную, чем та, что у них сейчас есть. Как ты сам хорошо понимаешь, они существуют сейчас только благодаря состраданию и помощи тех, кто исповедует религию империи, однако тайно предпочитают христианство. Называешь ли ты их лицемерами и клятвопреступниками? Не ваши ли они друзья и помощники?

— Эти люди не познали христианской веры и надежды так, как познал их я. Они никогда не пережили рождения свыше, не стали *«причастниками Божеского естества»*, не познали пребывающего Духа Святого и общения с Сыном живого Бога, так, как сделал это я. Они не познали любви Божьей, которая изливается из сердца и дает новые чувства, желания и надежду. Для них сострадание и помощь христианам является простым проявлением доброты; но христианин, который смог бы так унизиться, чтобы отречься от веры и

предать Спасителя, Который искупил его, никогда не достигнет достаточной щедрости в своей вероломной душе, чтобы помочь своим покинутым братьям.

— Хорошо, Марцелл. У меня есть последнее предложение, а затем я уйду. Это последняя надежда. Не знаю, осуществима ли она, но я постараюсь воплотить ее, если ты дашь согласие. Вот ее суть. Тебе не нужно отрекаться от своей веры; тебе не нужно приносить жертву богам; тебе не нужно делать ничего, что противно тебе. Забудь о прошлом. Возвратись снова, не внутренне, но внешне; будь таким, каким ты был раньше. Ты был веселым, беспечным солдатом, преданным своим обязанностям. Ты не принимал участия ни в каких религиозных обрядах. Ты редко бывал в храмах. Ты проводил большую часть времени на территории лагеря. Ты черпал знания из книг философов, а не священников. Стань снова таким же. Возвратись к своим обязанностям.

Появляйся на людях вместе со мной; вступай в приятные беседы и посвяти себя своим прежним устремлениям. Сделать это будет легко и приятно, и тебе не нужно будет участвовать в чем-то низком или противном. Власти забудут о твоём отсутствии и неповиновении и, если они не захотят возвратить тебе прежние почести, они назначат тебя командовать своим прежним легионом. И все возвратится на круги своя. От тебя потребуется немного осторожности, мудрого молчания, видимости возвращения к обычным прежним обязанностям. Если ты останешься в Риме, все подумают, что слухи о твоём обращении в христианство были ложными; если же ты уедешь из города, никто об этом не узнает.

— Нет, Луцулл, если бы даже я согласился, план твой невозможен по нескольким причинам. Обо мне было официально заявлено, за мою поимку установлено вознаграждение, и что самое главное, мое последнее появление в Колизее перед самим императором лишило

меня последней надежды на прощение. Но я не согласен и по другой причине. Я не могу поклоняться моему Спасителю подобным образом. Его последователи должны исповедовать Его открыто, ибо Он говорит: *«Всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред ангелами Божиими»*. Отречение от Него в жизни или во внешнем поведении является тем же формальным отречением, которого требует закон империи. И этого сделать я не могу. Я люблю Того, Кто первым возлюбил меня и отдал Себя за меня. Моя величайшая радость — провозглашать о Нем перед людьми; умереть за Него — самое благородное дело, и венец мученика — самая славная для меня награда.

Луцулл не сказал больше ничего, так как понял, что всякие доводы бесполезны. Оставшееся время прошло в разговоре на другие темы. Марцелл не терял зря последних дорогих часов, которые ему было суждено провести со своим другом. Полный признательности за его благородство и искреннюю преданность, он всеми силами попытался вознаградить Луцулла, познакомив его с самым дорогим сокровищем, которым может обладать человек — верой во Христа.

Луцулл терпеливо выслушал его, больше из дружбы, чем из интереса. И все же, по крайней мере некоторые из слов Марцелла отложились в его сознании.

На следующий день произошло слушание дела. Оно было коротким и формальным. Марцелл был непоколебим и спокойно принял свой приговор. Казнь его была назначена на тот же день пополудни. Его ждала смерть, но не от диких зверей, не от руки гладиатора, а от более жестокой пытки — от огня.

В том же месте, где так много христиан уже засвидетельствовали об истине, Марцелл доказал и свою веру ценой своей жизни. Столб был установлен в центре Колизея, а по кругу были разложены кучи хвороста.

Марцелл вышел на арену в сопровождении жестоких охранников, сыпавших удары и насмешки в добавок к ужасам приближавшегося наказания. Он посмотрел вокруг на длинные ряды лиц, мужских и женских, суровых, жестоких и безжалостных; он посмотрел на арену и подумал о тысячах христиан, пострадавших здесь до него и отправившихся с этого места, чтобы соединиться со славным воинством мучеников, которые вечно будут поклоняться возле престола. Он подумал о смерти дев, свидетелем которой он был, и вспомнил еще раз их победную песню:

*Ему, возлюбившему нас
И омывшему нас от грехов наших.*

Затем стража, грубо схватив его, повела на костер, где он был привязан крепкими цепями так, что убежать было совершенно невозможно.

«Я уже становлюсь жертвою, — прошептал он, — и время моего отшествия настало... А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный».

После этих слов стражи факелом подожгли костер, языки пламени поднялись вверх и густые клубы дыма на некоторое время спрятали за собой мученика. Когда они рассеялись, он снова стал видимым, стоя посреди огня с поднятым вверх лицом и связанными руками.

Языки пламени вокруг него становились все выше. Все ближе и ближе они подступали к нему, поглощая хворост и окружая его огненным кольцом. Его окутало черное покрывало дыма, пламя поднялось еще выше и облизало тело.

Но мученик стоял прямо, спокойно принимая страдания, оставаясь невозмутимым в своей ужасной агонии, верой держась своего Спасителя. Он был там, хотя они не видели Его; Его вечные мышцы обнимали Своего верного ученика, вдохновляя его Своим Духом.

Пламя поднималось все выше и выше. Жизнь под яростным нападением огня содрогалась в своей крепости, а дух готовился вознестись в место райского покоя.

Наконец мученик изогнулся в приступе конвульсий, как будто его пронзила внезапная острая боль. Но он поборол ее ценой невероятных усилий. Затем, высоко подняв свои руки, он слабо помахал ими. И, наконец, собрав последние силы, он воскликнул громким голосом: «Победа!»

С этим воплем жизнь, казалось, оставила его, так как он наклонился вперед вглубь пылающего костра, и дух Марцелла разрешился, *«чтобы быть со Христом, потому что это несравненно лучше».*

Глава XV

ЛУЦУЛЛ

«Память праведника пребудет благословенна»

Среди присутствующих, наблюдавших за сценой пыток и смерти, был один человек, измученное лицо которого ни на секунду не отворачивалось от Марцелла; глаза его видели каждое движение и выражение лица мученика, а уши впитывали каждое его слово. После того как все разошлись, он еще долго оставался на своем месте, один посреди бесчисленных пустых сидений. Наконец он встал, чтобы уйти.

Прежняя упругость шага оставила его. Он шел медленной, нерешительной походкой; его отрешенный взгляд и горечь потери сделали его похожим на человека, которого неожиданно постигла болезнь. Взмахом руки он велел нескольким служащим открыть перед ним ворота, ведущие на арену.

— Принесите мне для пепла траурную урну, — сказал он, после чего прошел прямо к последним тлеющим уголькам.

Несколько фрагментов кости, раскрошенной яростным пламенем — это все, что осталось от Марцелла.

Луцулл молча взял урну, принесенную охранником, собрал все останки, которые только мог найти, и унес их с собой.

Когда он уходил, к нему обратился престарелый мужчина. Луцулл механически остановился.

— Чего ты хочешь от меня? — вежливо спросил он.

— Меня зовут Онорий, я старейшина среди христиан. На этом месте сегодня погиб мой дорогой друг. Я пришел узнать, не могу ли я забрать его пепел.

— Тебе повезло, что ты обратился ко мне, достопочтенный человек, — сказал Луцулл. — Если бы ты сказал свое имя кому-либо другому, то тебя сразу схватили бы, так как за твою поимку установлено вознаграждение. Однако я не могу удовлетворить твою просьбу. Марцелл мертв, и его прах находится в этой вот урне. Он будет положен в мой родовой склеп с наивысшими почестями, так как он был самым дорогим для меня другом, и потеря его сделала землю пустой для меня, а жизнь — тяжелой ношей.

— Тогда ты, — сказал Онорий, — никто иной, как Луцулл, о котором он так часто говорил.

— Да, это я. Никогда еще двое друзей не были верны друг другу так, как мы. Если бы было возможно, я спас бы его. Его бы никогда не арестовали, если бы он сам не отдал себя в руки закона. О, горькая участь! В момент, когда я сделал все для того, чтобы он никогда не был арестован, он пришел и появился перед самим императором, так что я вынужден был лично вести любимого человека в тюрьму, а затем — и на смерть.

— То, что для тебя является утратой, для него — несравненное приобретение. Он овладел бессмертием.

— Его смерть была победой, — сказал Луцулл. — Я был свидетелем смертей христиан и раньше, но никогда еще меня так не поражала их надежда и уверенность, как сегодня. Марцелл умирал так, будто смерть была невыразимым благословением для него.

— Она действительно была такой для него, как и для многих других, которые теперь покоятся в царстве мрака, где мы сейчас вынуждены обитать. К их числу я хочу добавить останки Марцелла. Не

можешь ли ты отдать их мне?

— Я надеялся, достопочтенный Онорий, что смогу выполнить свой последний долг перед моим дорогим, оставившим меня другом, искренне воздав его останкам последние почести и поскорбев над его могилой.

— Но, благородный Луцулл, не предпочел бы твой друг лучше погребение с простой церемонией своей новой веры и успокоение в месте других мучеников, с именами которых его имя связано навечно?

Луцулл, ничего не ответив, задумался. Наконец он сказал:

— Не может быть сомнений относительно его желания. Я удовлетворю его и откажу себе в чести лично совершить церемонию похорон. Возьми их, Онорий. Однако я все-таки буду присутствовать на вашей церемонии. Позволишь ли ты солдату, которого ты знаешь как злейшего врага, посетить ваше убежище и стать свидетелем вашего обряда?

— Мы примем тебя, благородный Луцулл, так же, как мы приняли Марцелла до тебя, и, возможно, ты тоже получишь в нашей среде то же благословение, которое было даровано и ему.

— Даже не надейтесь на это, — сказал Луцулл. — Мои взгляды и чувства сильно отличаются от взглядов и чувств Марцелла. Я могу стать добрым к вам и даже восхищаться вами, но я никогда не стану одним из вас.

— Тогда, кем бы ты ни был, пойдем с нами, чтобы присутствовать на похоронах своего друга. Завтра мы придем за тобой посыльного.

Луцулл знаком выразил свое согласие и, передав драгоценную урну под попечение Онория, с грустью ушел к себе домой.

На следующий день вместе с посыльным он пришел в катакомбы. Там он встретился с христианской общиной и увидел место их обитания. Но из прошлых рассказов своего друга он уже имел яркое представление об их жизни, их страданиях и несчастьях.

Снова поднялся скорбный плач в мрачных пещерах, эхом отозвавшийся по всем проходам и сообщивший, что еще один брат был предан могиле; но печаль, выражавшая земное горе, вскоре сменилась возвышенным состоянием, выражавшим веру парящей души и надежду, исполненную глубокого стремления к их возлюбленному Господу.

Онорий взял драгоценный свиток, Слово жизни, чьи обетования были настолько могучими, что могли поддерживать в моменты глубочайшей печали, и торжественным голосом прочел ту часть 1 Послания к Коринфянам, которая во все времена и во всех местах была драгоценной сердцу, которое смотрело вдаль, за пределы времени в поисках утешения в будущем воскресении.

Затем он, подняв голову, вознес пылкую молитву Святому на Небесах, через Христа — божественного Посредника, Который победил смерть и могилу, даровав вечную жизнь.

Бледное, грустное лицо Луцулла сильно выделялось среди всех остальных. Не будучи христианином, он все же восхищался их славным учением и с благоговением слушал об их возвышенной надежде. Именно он положил пепел возлюбленного друга в место его последнего покоя; он был последним, кто посмотрел на его драгоценные останки; и именно его руки поставили на место надгробную плиту, на которой была выгравирована эпитафия с именем Марцелла.

Луцулл ушел домой, но что-то изменилось в нем. Веселость, свойственная его природе, оставила его после таких суровых скорбей, которые ему пришлось пережить.

Он был прав, сказав, что не станет христианином. Смерть друга наполнила его печалью, но в нем не было сожаления о грехе, не было покаяния, не было желания познать истинного и живого Бога. Он потерял способность находить удовольствие в мире, но не получил

никакого другого источника счастья.

И все же память о друге изменила в нем кое-что. Он почувствовал сострадание к тем бедным и гонимым людям, с которыми связал свою жизнь Марцелл. Он восхищался их стойкостью и сочувствовал их незаслуженным страданиям. Он увидел, что все благочестие и добродетель, которые еще оставались в Риме, принадлежали этим бедным изгоям.

Подобные чувства побудили его оказывать им помощь. Он предложил им дружбу и поддержку, которые он однажды предлагал Марцеллу. Его солдаты больше не арестовывали никого, но если кто-то и попадался, то они всегда могли убежать. Его высокое положение, большое богатство и неограниченное влияние были направлены на служение христианам. Его дворец был известен им как самое надежное убежище и источник помощи. Его чтили, как самого сильного друга среди людей.

Но всему рано или поздно приходит конец; закончились однажды и постоянные страдания христиан... Приблизительно через год после смерти Марцелла был низвержен суровый император Деций⁷, и его место занял новый правитель. Гонения прекратились. Возвратились мир и покой; христиане вышли из катакомб, чтобы снова жить при свете дня, провозглашая во всеуслышанье хвалу Тому, Кто искупил их, и продолжая никогда не оканчивающуюся битву с воинством зла.

Прошли годы, но в Луцулле не произошло никаких перемен. Когда Онорий вышел из катакомб, он был взят Луцуллом в свой дворец и содержался там до конца своей жизни. Он пытался возместить долг признательности своему знатному благодетелю тем, что рассказывал ему об истине, но он умер, не увидев желаемых результатов.

Благословение пришло, наконец, но только многие

⁷ См. примечание на стр. 13.

годы спустя. Не в расцвете сил, но лишь на пороге старости Луцулл был найден Спасителем. Многие годы для него мир уже не имел никакой привлекательности. Богатство, честь и власть не имели для него никакой ценности; его жизнь была отмечена грустью, и ничто не могло исцелить ее. Но Дух Божий, в конце концов, коснулся его, дав ему через Свою божественную силу радость в любви Спасителя, о власти Которого над сердцем человека он знал не понаслышке.

Много столетий прошло над городом Цезаря с того времени, как Деций загнал смиренных последователей Иисуса в мрачные катакомбы. Давайте остановимся на Аппиевой дороге и посмотрим вокруг.

Перед нами — длинные ряды гробниц, тянущихся до самого города. В них нашли покой великие люди Рима, неся с собой даже в могилу всю пышность богатства, славы и власти. Под нашими ногами находятся грубые могилы тех, кого при жизни эти «великие люди» прогнали, как недостойных дышать тем же небесным воздухом.

Но сейчас — какая перемена! Вокруг нас лежат в руинах грандиозные гробницы, они осквернены, их двери проломаны, их прах развеян ветром. Имена большинства из тех, кто был похоронен в них, неизвестны; империя, которую они строили, пала; легионы, которые они вели на завоевания, уснули сном, от которого никто не сможет пробудиться до второго воскресения.

Но о тех, кто был гоним и покоится под землей, церковь Божья вспоминает с восхищением; их могилы стали местом паломничества; и дело, которому они посвятили свои жизни, было передано нам для продолжения до прихода Иисуса.

Униженные, презренные, изгнанные, отверженные: их имена не записаны в славном свитке истории, но мы знаем, что они записаны в книге жизни, а их общение будет с теми, о ком сказано:

*«Это те, которые пришли от великой скорби;
Они омыли одежды свои
И убелили одежды свои Кровию Агнца.
За это они пребывают ныне перед престолом Бога
И служат Ему день и ночь в храме Его,
И Сидящий на престоле будет обитать в них.
Они не будут уже ни алкать, ни жаждать,
И не будет палить их солнце и никакой зной:
Ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их
И водить их на живые источники вод;
И отрет Бог всякую слезу с очей их».*

КОНЕЦ

Содержание

Глава	Страница
Предисловие	3
I. Колизей	5
II. Лагерь преторианцев	15
III. Аппиева дорога	22
IV. Катакомбы	29
V. Секрет христиан	38
VI. Облако свидетелей	47
VII. Исповедание веры	61
VIII. Жизнь в катакомбах	69
IX. Гонения	80
X. Арест	88
XI. Предложение	94
XII. Суд над Поллио	101
XIII. Смерть Поллио	108
XIV. Испытание	114
XV. Луцулл	121

Мученик катакомб

Повесть древнего Рима

Глаза всех собравшихся были устремлены на Поллио. От него просили самую малость: совершить возлияние на жертвенник, однако...

— Я никогда не предам моего Спасителя.

После этих слов наступила короткая пауза. Затем главный судья сказал:

— Ты сам произнес себе приговор. Уведите его!